

Юлия Жукова

Замуж с осложнениями

Фантастика • Любовный роман • Юмор

Annotation

Альтернативное будущее, в котором людям удалось прорваться в космос и плотно там обосноваться. Народы Земли расселились по далеким галактикам и проводят отпуска на курортных планетах. И кто бы мог подумать, что, казалось бы, простой полет, всего лишь сопровождение группы детишек на курорт, обернется для героини таким приключением. Страшные инопланетные пираты, захват в плен и предательство соотечественников. Чужая, незнакомая культура, для которой земляне нечто особенное, приравненное к богам. И суровый капитан космических пиратов, который при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж суровым и совсем не пиратом.

Юлия Жукова
Замуж с осложнениями

Работать в космосе я хотела почти с института, с тех пор как стала встречаться с одним пилотом. Очень уж неудобно получалось, когда он по два-три месяца не появлялся на Земле. А так была бы романтика: он пилотирует, я за санитарией слежу. Да и платят за пределами родной планеты в восемь раз больше за то же самое. Но пробиться, конечно, оказалось непросто даже по блату. Уже и запал схлынул, и пилотик мой сгинул, и вот наконец я вырвалась с родной планеты на вольный воздух, вернее, в вакуум (хотя зеленые последнее время ворчат, что мы так засорили космос воздухом, что скоро уже дышать можно будет).

Однако все у меня вечно не как у людей, а точнее, все как всегда — тут уж кому какая философия ближе. За три дня полета я успела перекидать в стенку столько туфель, что можно было записываться в сороконожки. Конечно, дело все во мне: всегда-то меня всякие мелкие несовершенства в окружающем мире раздражают. Кто угодно другой, наверное, принял бы как должное... Ну начальница противная, но не смертельно. Ну работа не такая, как мечталось, зато платят хорошо.

А вообще, за иллюминатором звезд тьма-тьмуцая, если так можно выразиться. Солнышко далеко-о-о светит. Земли уже четыре дня как не видно. В стекло можно ткнуть пальцем, появится менюшка: выбирай объект, увеличивай, любуйся. Можно посмотреть, куда летим, хотя это еще через два Сфинктера (на всеобщем языке они Воротами называются, по функции, ну а наши, конечно, по внешнему сходству обозвали).

А летим на курорт. Несколько лет назад в той системе планетку нашли с очаровательными пляжами. Атмосфера — Земля отдыхает, климат как на заказ. В общем, турфирмы, частично друг друга истребив, наперегонки бросились налаживать сообщение и теперь гоняют туда по два звездолета в день. Лететь долго, конечно, почти неделю — за это время можно и до Гарнета добраться, но там уже все застроено...

Так вот, начальница моя, госпожа Дюпон, канадка средней степени упитанности, ухитрилась выбить из Всемирного фонда до— и внешкольного образования какие-то средства, чтобы организовать на Кинине детский лагерь. А я у них подвизаюсь бортовым врачом. И везем мы первую партию детишек на двухмесячное пребывание.

На мой привередливый вкус с этой работой вообще все не так. Во-первых, меня зачем-то загнали в ассоциацию парамедиков, хотя я вовсе не парамедик, а хирург с международным сертификатом. Но беджик носить надо обязательно. Во-вторых, я впервые лечу на этот самый курорт вместе с детьми, хотя по идее в мои должностные обязанности входит проверка санитарного состояния лагеря до прибытия отдыхающих. Очевидно, кого-то жаба задушила меня отдельным рейсом посылать. В-третьих, помимо залечивания болячек у несовершеннолетней части населения корабля в мои функции почему-то входит полное обслуживание начальницы, типа принести-подать, записать в ежедневник, позвонить-написать, посчитать и поговорить. Я вообще-то не секретаршей нанималась. Однако успокаиваю себя тем, что все-таки лечу, наконец-то лечу. На вечер у меня остается только одна обязанность — принести мадам ее витамины. А после этого можно спокойно уткнуться в иллюминатор в предвкушении событий. Лететь уже не так много.

Мадам Дюпон вместе с главой Всемирного многопафосного сидят в уютной маленькой переговорной. Им туда уже кто-то принес кофе, и даже не я. Главу мне пока что только издалека приходилось видеть, но смотреть там особо не на что. Мелкий мужичонка за пятьдесят, лысый, очки в палец толщиной, скрюченный как рождественский леденец.

— А-а, Лизонька, — приветствует меня Дюпониха. На всеобщем, конечно, так не скажешь, но с ее интонацией только уменьшительное и может получиться. — Познакомься с господином Квиггли.

Фиггли. Крабле-бумс.

То есть, да-да, очень приятно.

И, конечно, смотрим мы не на лицо, и даже не за декольте, а прям сразу под юбку. Кстати, среди прочих загадочных требований, предъявленных при устройстве на эту работу, был еще и дресс-код: юбка выше колена. Теперь понимаю зачем.

— Вот, — говорит мадам Дюпон, — наш бортовой медик, высококлассный специалист, обеспечивает безопасность детей.

— Да-да, — бормочет глава. — Да-да, обеспечивает, я вижу.

А он умнее, чем кажется. Все-таки, чтобы такой фонд возглавлять, надо в голове что-то иметь. И в то, что я специалист, он не поверил. Я бы и сама не поверила. А вот в то, что у меня венерических должно быть с полдюжины, я бы поверила легко. Ну хотя бы ноги мои ему понравились. И в любом случае раньше надо было смотреть, дядя. Не разворачивать же теперь звездолет.

— Спасибо, Лизонька, можешь идти.

Ура, бегу.

За спиной слышу, Квиггли ворчит:

— Я вообще-то говорил о другого рода безопасности. Мы ведь недалеко от Гарнета, не боитесь неприятных встреч? Джингоши, мустанжцы... не самое благополучное окружение...

На этой оптимистической ноте я перестаю его слышать.

Из мемуаров Хотон-хон

Хорошо известно, что по статистике этот регион — третий во Вселенной по терактам. Однако от солидной фирмы стоило ожидать безопасности на уровне. С другой стороны, с учетом их кадровой политики, можно было предположить, что и другие организационные моменты отразились больше на бумаге, чем на деле. Но человек склонен полагаться на счастливый случай.

* * *

Возвращаюсь к себе, бодро размахивая подносом. Мадам на сегодня оставила меня в покое, так что я уже предвкушаю, как поставлю чайку, включу себе сериальчик да вязанье достану, и тут нас хорошенько встряхивает.

Я сначала подумала, что это меня шатает от какого-нибудь перепада. Новичок в космосе либо всего боится, либо на все плюет, дескать, чего тут только не бывает. Я, правда, в детстве летала и ничего такого не припомню. Хватаюсь за стенку. До Сфинктера вроде бы еще полдня лететь, а на перегонах так трясти не должно. Корабль швыряет в другую сторону, теряю стенку и поднос. В такие моменты понимаешь выражение «пол ушел из-под ног». Как

бы я прекрасно обошлась без этого знания! Прикусывать язык мне совсем не понравилось. А в следующий момент мой собственный поднос вмазывается мне же в висок.

Свет меркнет. Сначала думала, что сотрясение, но нет, не так меня сильно шандарахнуло. Включается аварийный. Да только хозяева опять пожадничали: за углом загорелся, а вокруг меня нет. Кстати, мне всегда было интересно: аварийный свет делают красным специально, чтобы было страшнее переживать аварию? Собираюсь соскрестись с пола и пойти в каюту, пристегнуться, ругаюсь, что по громкой связи не поступает никаких инструкций.

Но встать не успеваю — в проходе появляется тень. С красной подсветкой выглядит жутковато. Хоть бы шприц с собой был с чем-нибудь седативным... Тень обретает плоть, много плоти, и вот уже надо мной возвышается громада...

Первая мысль — на борту у нас такого человека нет.

Вторая — у него в руках нечто огнестрельное, а за спиной еще одно. Чтоб Квиггли сдох со своими опасениями!

Дальше думалка отключается, остается только головная боль.

— Где кто-нибудь из начальства? — спрашивает оно... это... пришлое.

— Дверь в конце коридора. Код 551.

Еще не хватало мне за этих раздолбаев заступаться. Нет, со мной что, правда случилось что-то из того, о чем в новостях рассказывают? Врач с Земли в заложниках у...

Вжавшись в стенку, исподтишка провожаю взглядом группу невероятно высоких мужиков, топающих в сторону переговорной. Надо уже включать думалку. Запомнить их в лицо, что ли. Да хоть понять, кто они такие! Может, на сделку пойдут...

Дверь отъезжает в сторону, раздается растерянное: «Ой, кто это?» — Дюпониhi и какой-то хрип со стороны Квиггли. Пришельцы ведут себя тихо. В аварийном свете, льющемся из переговорной, на рукаве у одного блестит значок: строчная «m» с хвостиком-стрелочкой, как зодиакальный скорпион.

Муданг.

Я беззвучно выдыхаю. Чувство такое, как на экзамене, когда вытягиваешь билет, на который угрохала втрое больше времени, чем на прочие, потому что нигде не могла найти, что на него отвечать. Вроде с чистой совестью можешь сказать, что учил, и пару-тройку умных дядей процитировать, а толку...

Из мемуаров Хотон-хон

Про эту планету с неблагозвучным названием известно много. Например, что муданжцы — самые умные, хитрые и опасные наемники во Вселенной. Или что они очень крупные и сильные, но это выясняется с первого взгляда. Неизвестно, когда и как они попали на свой Муданг, а вот по геному эти люди — помесь индейцев с монголами. Еще известно, что у них в языке отсутствует слово «любовь». Сам язык преподается на Земле в космических колледжах, где два года положено повышать квалификацию всем, кто хочет работать в космосе. Программа столичного колледжа включает обязательный курс малого инопланетного языка по выбору; ходили слухи, что преподаватель по муданжскому ставит зачет всем без разбора. При таком раскладе, конечно, запоминается не очень много.

Слева пару раз полыхает с тихим шорохом. Это они расстреляли переговорники. Надеюсь, что так, потому что мне очень не хочется, чтобы расстреливали людей. Я тоже смотрела веселые боевики про космос и знаю, что любой урод может оказаться ключом к спасению всей команды...

Из переговорной выходит самый высокий муданжец и направляется ко мне. Я наконец-то встаю и даже вооружаюсь подносом, хотя ежу ясно, что этот мужик меня может волоском перешибить и не заметить. Когда он подходит совсем близко, понимаю, что можно было и не вставать — с высоты его роста сижу я или стою, неважно.

— Юная леди, всем будет удобнее, если вы примкнете к своим землякам в той комнате, — говорит он спокойным глубоким голосом.

И это террорист? Он бы еще реверанс сделал! Нет, по мне, конечно, лучше так, чем руки заламывать! Но что-то как-то неправдоподобно... Может, это какая-то ошибка? Да и хотела бы я знать, прибили они мою сладкую парочку или нет? Как-то мне не хочется в эту комнату...

Я нервно зыркаю в сторону переговорной и поворачиваюсь к пришельцу. Не знаю, какой средневековый знахарь лечил ему ожоги на лице, но я бы этому лекарю руки пообрывала, ибо все равно не в том месте росли... Может, предложить муданжцу помощь? Но шрамы старые, я ничего не смогу сделать. И вот тогда мне точно финдец. Как же отмазаться?! Ма-а-а-мочка-а-а... дети... о!

— Я бы с удовольствием, — начинаю намного более уверенным голосом, чем от самой себя ожидала, — но обязана быть рядом с детьми. А сюда только на минутку зашла... Понимаете, я врач. Если кому-то из них станет плохо, то это вам же создаст лишние трудности. Вам ведь они нужны... — Я утихаю в страхе что-нибудь ляпнуть.

— Живыми, да, — договаривает террорист за меня. Лапочка моя, ну, давай... — Значит, вы умеете лечить?

— Да, да! — Я энергично киваю. Хорошо, что он так хорошо говорит на всеобщем. С легким таким акцентом, как будто нарочно заставляет этот вялый язык звучать четко.

— *Женщина?* — с недоверием переспрашивает другой подошедший муданжец на своем родном.

Я еще что-то помню по-муданжски... А что им не понравилось?!

— *Старый Угун говорил: «От землян жди неожиданностей»*, — отвечает ему мой собеседник и снова поворачивается ко мне. — Мне это нравится. Идите к детям. *Алтонгирел* вас проводит.

Это имя, осознаю я.

Алтонгирелу эта идея, впрочем, не особо нравится.

— Азамат, да она же просто вы...выается!

Чего я делаю, я не поняла. Слова этого не знаю...

— Ну и пусть вы...выается. Если ей с детьми спокойнее, пусть сидит с детьми, под ногами мешаться не будет. И нам не придется человека на охрану тратить.

Алтон... э-э-э... гирел не находит, что на это возразить, и велит мне отправляться к детишкам, а сам плетется следом. Он вряд ли знает, куда идти, но пользоваться этим мне незачем. Если меня посадят с детьми, которые им нужны живыми, сами же сказали, то я буду

вроде как при деле. Может, еще и не убьют. Может, им за меня выкуп дадут...

Детей согнали вместе, и вой стоит оглушительный. Алтонгирел объясняет двум парням на входе в «детскую», кто я такая, сопроводив мое резюме парой непонятных эпитетов в адрес Азамата. Парни присоединяют к имени Азамата какое-то слово (ахмад, что ли, как царевич?), которое явно означает, что он тут главный. Меня весьма обнадеживает мысль, что мое предложение понравилось капитану.

Дети все-таки удивительные существа. Своих у меня нет, но я как-никак уже пять лет практикую, да и в студенчестве нянкой подрабатывала. Стоит на секунду отвернуться, как они умудряются получить по несколько травм разных степеней тяжести в совершенно безопасном окружении! Синяки я даже осматривать не стала, тут можно с уверенностью сказать, что они есть у всех и во множестве, хотя у детской мебели на борту вообще нет углов и твердых граней. Видимо, надо было стены войлоком обить. Попалась пара расквашенных носов — упали на бегу. Еще несколько носов кровоточат на нервной почве. Почти все режут, трут глаза грязными руками... в общем, бедлам. Но зато я — полезный член общества. Может быть, мне поставят памятник на детской площадке около дома. Мне крупно повезло, что шкафчик с медикаментами именно в этой комнате, а то пришлось бы объясняться с мрачными парнями на входе.

Когда потребность в неотложной помощи временно иссякает, я завариваю всем, включая себя, успокоительного чайку и наконец позволяю себе расслабиться. Младшие отрубаются на диване и на мне, старшие собираются кучками по углам, понимают, что я им больше ничем помочь не могу. Я приспосабливаюсь гладить каждой рукой по три головы одновременно, чем вызываю уважительные взгляды охранников.

Видимо, поверили, что я и правда врач.

Охранники оба пониже капитана, но тоже под два метра. Один стриженный почти под ноль в отличие от прочих муданжцев, которых я успела рассмотреть. И капитан, и А-лтон-ги... рел (вспомнила!), и второй охранник могут похвастаться прекрасными черными гривами.

Зажигается свет. Я подсказываю, ненарочно бужу нескольких детей. Те, которые не спали, тоже напрягаются. Несколько минут мы все ждем, что что-то вот-вот случится, но оно не случается. Наконец появляются еще несколько муданжцев с матрацами и пледами. С ума сойти, какой сервис! Все-таки что-то не так с этими террористами. Какое-то время все стелются, постепенно расслабляются, и я даже ухитряюсь проспять эту ночь — впрок, мало ли что.

Следующий день тянется и не кончается. В космосе принято менять освещение и пейзажи в декоративных окнах в соответствии с земными сутками, по Гринвичу. Считается, что так людям легче подолгу летать. Поскольку у меня обычно дежурства сутки через двое, мне эта смена дня и ночи глубоко безразлична, солнца я и на Земле не замечаю. Зато сегодня выучила все варианты освещения Фудзиямы, электронная фотография которой висит ровно напротив моего дивана.

Нас кормят сухим пайком три раза, чай можно сделать прямо в комнате. Три ванн/туалета, совмещенных по идиотскому европейскому стандарту, обеспечивают комфорт и чистоту. Днем двое муданжцев под предводительством Алтонгирела принесли мои и детские вещи, так что можно и переодеться, и заняться хоть чем-нибудь. Книжки там почитать, в

игрушки поиграть... но никто не читает и не играет, как я их ни уговариваю: все слишком нервничают. Так что я достаю вязанье, демонстративно усаживаюсь с ним посреди комнаты и пытаюсь подать пример. И подаю, часов шесть с перерывом на ужин. Не добиваюсь этим ничего, кроме того, что охранники меня начинают еще больше уважать. Ну тоже неплохо.

Вечером хожу от ребенка к ребенку, поправляю одеяла и уверенно бормочу, что всех нас вернут домой в целости и сохранности. Присаживаюсь около маленькой девочки, которая уже спит, потом прислоняюсь к стене и больше не пытаюсь заставить работать раскисший от скуки мозг.

— *Этого не было в договоре,* — доносится до меня раскатистый голос капитана из холла напротив нашего.

Я настораживаюсь: вот только еще ссоры наемников с работодателем мне не хватало.

— *А чего ты хотел? Это же джингоши!* — раздраженно отвечает ему Алтонгирел. Нетбук пищит, соединяясь.

— Соччо, я тебя внимательно слушаю.

Азамат, очевидно, звонит нанимателю. Так это что же, эти наемники работают на других? Джингоши ведь тоже наемники... ничего не понимаю.

— *Азамат, как всегда хорошего из себя строишь?* — слышится скрипучий голос заказчика. — *Земляне не верят, что детки у нас. Доказательств требуют. Если хочешь получить деньги за эту работу, дай мне доказательство. У тебя их там за сорок! Давай, напугай Земное сообщество.*

— *Я не убиваю заложников,* — отрезает Азамат. — *И в договоре так было прописано, иначе я бы не согласился на это дело. Мы можем прислать им видео, но не труп.*

— А как насчет ушей? Или пальчиков? Нас не воспримут всерьез!

— *Соччо, я сказал — нет,* — заключает Азамат спокойно.

— Значит, деньги тебе не нужны. И репутация не дорога?..

Что они говорят дальше, я не слышу, потому что крадусь к иллюминатору. Мне показалось, что за ним маячит какой-то корабль. И точно, вот он, красавец. Увеличиваю изображение и вижу два скрещенных полумесяца — знак джингоши. Корабль, похожий на черепаху, бурый и грубовато сработанный, медленно вращается среди звезд. Ну и что с нами теперь будет? По крайней мере, муданжцы нас не убьют. Но вот перспектива вернуться к цивилизации отдалается...

На всякий случай решаю собрать вещи. Мало ли, еще погонят сейчас куда-нибудь. Стягиваю со своего матраса наматрасник и сгребаю в него все лекарства из шкафчика заодно с портативным диагностическим сканером и прочими капельницами. Потом распикиваю разбросанные детские вещи по сумкам, которые отдали днем. Джингошский корабль в иллюминаторе как будто изменил конфигурацию, стал круглее. За дверью слышится топот. Я тихонько стучу в нее, чтобы узнать у охранников, не надо ли будить детей. Никто не отвечает, и я дергаю ручку. Оказывается — открыто. Они нас даже не заперли? Супер!

Охранников нет. Отчетливо осознавая, что поступаю очень неправильно, иду по коридору до угла. Никого. Господи, ну не бросят же они нас на произвол судьбы этим джингошам! Неужели не ясно, что те всех перережут?! Или Азамат просто хочет, чтобы на его репутации это не сказалось, а так ему на нас плевать?

Внезапно из-за угла выскакивает Алтонгирел. Понимая, что спалилась, прямо спрашиваю:

— Что проис...

— Отвали! — следует краткий ответ, и он чешет дальше на хорошей скорости.

Вот так вот. Пленница разгуливает по кораблю, но все так плохо, что захватчику не до этого. Черт, что же делать?!

Не придумав ничего лучшего, кидаюсь за муданжцем. Может, у них еще какие-то проблемы и они про нас забыли? Очень уж страшно оставаться в неведении.

Иду на топот ног впереди по коридору, звуки приводят меня в среднюю часть корабля между двумя выходами. Ворота плотно закрыты, а вот один из иллюминаторов в потолке аккуратно вырезан, и к нему присосалась герметичная труба с лестницей, по которой, очевидно, можно попасть на муданжский корабль. Его яркое брюхо виднеется через соседние иллюминаторы: подобно гигантскому жуку он сидит на звездолете, обхватив длинными суставчатыми лапками нашу «гантелю» за перемычку посередине.

Муданжские корабли все похожи на насекомых, нам их в колледже показывали. Этот по идее должен вмещать до ста человек. Муданжцы группами больше чем по пятнадцать — двадцать не летают. Нас сорок семь детей и я. Ну ладно, допустим, есть путь к отступлению. Дышать становится легче.

Я возвращаюсь в детскую без приключений. Пару раз через переборки слышу какую-то невнятную ругань, но навстречу мне никто не попадает. Гляжу в иллюминатор. Джингошский корабль продолжает трансформироваться. Теперь у него вырос блестящий хвост, которым он постепенно поворачивается к нам. Стоять, ребята. Это же ствол.

— ПАДЪЕО-О-О-О-М! — реву сиреной, не успев даже подумать, что делать дальше.

Дети подскакивают, никому даже в голову не приходит попросить еще пять минуточек. Еле вспоминаю про свой мешок с лекарствами, отряжаю старших идти вперед и слушать мою команду и гоню свое стадо на выход. Пульсация в висках успешно подавляется уговорами: я — главная героиня веселого боевика с хеппи-эндом, так что у меня все будет отлично.

Мы проносимся до лестницы за считанные секунды — так все перепугались моих истощных воплей. У лестницы возникает затор, младших приходится передавать на руках, но мы успеваем. Я влезаю последней, и тут люк с издевательским шипением закрывается. Ноги у меня не подкашиваются только потому, что падать некуда — везде несчастные дети!

— Ребят, — снова прибегаю к помощи моих старших, — ищите открытые двери, загоняйте всех по каютам. Хоть помногу, но чтобы без пробок в коридоре.

Каюты, впрочем, оказываются запертыми, зато в одном из отнорков мои шустрые подростки находят некое подобие гостиной, куда мы всех и загоняем. В гостиной теплый, приглушенный свет и на удивление уютно.

— Ну вот и знакомая обстановка, — говорит кто-то из детей. — Тоже диваны и журнальные столики.

Что ж, по крайней мере, муданжцы не пренебрегают комфортом.

Тут нас подбрасывает, и в иллюминаторах становится неожиданно светло. Я чувствую в голове приятную ватную легкость и вспоминаю какие-то школьные стихи про малый сабантуй. В коридоре, по которому мы пришли, раздаются дикие вопли, что-то совершенно первобытно-звериное, потом все стихает.

Я обнаруживаю, что лихорадочно прижимаю к груди свой мешок с таблетками, расслабляюсь, прохожусь по рядам, осматривая отдавленные ноги и прикушенные языки. Ничего неотложного, отделались легким испугом. Где бы тут у этих инопланетян чай заварить? Опасность-то миновала, так я же сейчас разрыдаюсь, а детям это видеть

неполезно — и так половина хнычет. И туалет бы найти не мешало...

Слева снова доносятся голоса и шаги, на сей раз вполне человеческие. Все опять напрягаются, ожидая, что будет дальше.

Дальше все идет, как в драматическом театре. Азамат и Алтонгирел входят в гостиную, не особо глядя по сторонам, и застывают как вкопанные. Я решаю не вставать, потому что не доверяю своим ногам, но встречаю изумленный взгляд нашего капитана. Мне только мерещится эта романтическая бледность? И кто ж ему все-таки рожу так раскрыл?

Оправляется он довольно быстро:

— Это все?

Я киваю.

— Что ж, замечательно.

Он подходит и садится рядом со мной на диван.

— Простите.

Я изо всех сил стараюсь не выдать удивления. Если он считает нужным извиниться, я не буду его разубеждать! Но что, черт возьми, происходит?!

Из мемуаров Хотон-хон

Джингоши — тоже инопланетные наемники, но их принцип — «сила есть — ума не надо». Они берут количеством и агрессивностью, не особенно заморачиваясь со стратегией.

Два века назад джингошский император Микан захватил Муданг, о чем на Земле, как всегда, ничего не знали. С тех пор и вплоть до недавних событий муданжцы были вынуждены скрепя сердце подчиняться корыстному и жестокому джингошскому наместнику Куре. На наемников это, правда, не распространялось. Они — люди без родины.

Поэтому у Азамата не было особых причин беспрекословно подчиняться Соччо, капитану джингошского корабля, с которым они заключили договор. Дело в том, что муданжцы в совершенстве умеют прятаться в космосе. Их корабль невозможно заметить ни простым глазом, ни земными приборами до того самого момента, когда он внезапно обхватывает ваш звездолет своими членистыми лапками и забирает себе под контроль. Джингоши не способны к таким хитростям, их огромные неповоротливые корабли обычно сильно освещены и заметны издалека, зато совершенно неприступны для реальных и виртуальных атак. Поэтому муданжцы и джингоши часто проводят совместные операции, используя сильные стороны обеих команд с максимальной выгодой. Муданжцы тихо умыкают корабль, а джингоши на своем бронебойном космическом танке летят выставять требования.

Однако в тот день Соччо не собирался работать за деньги. Последние годы его стал раздражать авторитет Азамата среди других муданжских наемников, которые обычно недолюбливают конкурентов, пусть даже и земляков. Выдвижение харизматичного лидера могло привести к централизации всего промысла, а это означало бы для Соччо гораздо менее привлекательные условия работы. Поэтому он решил подложить Азамату свинью — вынудить его убить нескольких заложников. Азамат славился чистыми руками — дескать, ему было доступно высокое искусство вести боевые действия без потерь с обеих сторон. Но на этот раз

он просчитался: был уверен, что у Соччо нет возможности им управлять, оба корабля — муданжский и захваченный — надежно защищены и скрыты от глаз. Однако Соччо хорошо спланировал это дело. Он где-то раздобыл исключительно одаренного хакера, который смог, хотя бы и всего на несколько минут, дистанционно захватить управление муданжским кораблем.

Джингошские корабли известны своей медлительностью. Чтобы выдвинуть ствол для обстрела, им может понадобиться от десяти до пятнадцати минут. За это время муданжцы успели бы вывести всех с захваченного корабля на свой и раствориться в ближайшей туманности, как они это прекрасно умеют делать. Но хакер Соччо захлопнул люк, ведущий на земной звездолет, и заблокировал управление кораблем. Соччо успел взорвать добычу. Все оставшиеся на земном корабле, а именно: команда, персонал турфирмы и двое муданжцев, погибли. Соччо праздновал победу, глядя, как позорно улепetyвает муданжский корабль, унося в брюхе сорок семь детей и одну паникершу...

* * *

— ...смог перехватить дистанционное управление звездолетом, поэтому когда мы поняли, что он собирается взорвать захваченный корабль, то элементарно не смогли открыть люк, чтобы забрать людей. — Капитан разводит руками.

Ах вот чего они так были.

— Кто-то из ваших людей...

— Да, двое.

— Мне очень жаль.

Он смотрит на меня с легким недоверием, но кивает.

— Мне тоже.

Все замолкают. Даже дети боятся шутиться. Вообще, зря он все при детях рассказал, зачем их пугать... Хотя... если бы мне было двенадцать, я бы тоже очень хотела знать, что случилось.

Однако неожиданно оказаться невиноватым в смерти сорока семи детей — это тоже малый сабантуй. Так что дорогой капитан мне кое-чем обязан.

Капитан задумался о своем достаточно глубоко для того, чтобы я набралась наглости разглядеть его получше, хотя бы и в тусклом свете. Несмотря на жуткие шрамы, лицо у него приятное. Он действительно похож одновременно на индейца и бурята, при общем смуглом цвете кожи. Черные волосы заплетены в тугую косу толщиной в две моих руки и длиной в три. Огромные ладони обожжены так же, как и лицо, если не хуже. Это ж надо было ухитриться...

Одет он неожиданно обычно: невнятно-темная водолазка, куртка из модной псевдокожи, такие же штаны. Ни кольца в носу, ни золотых цепей до пупа. Так и не скажешь, что варвар-наемник.

— Что мы с ними будем делать? — спрашивает всеми забытый Алтонгирел, прерывая нашу с капитаном минуту молчания.

— Звонить на Землю и отдавать, — спокойно отвечает Азамат.

— За бесплатно? — уныло тянет Алтонгирел.

— Они дадут нам вознаграждение, — заверяет капитан. Похоже, ему не впервой возвращать чужих заложников. — Разгони их по каютам и накорми.

— И туалет покажите, — хмыкаю я.

Алтонгирел закатывает глаза.

— Пусть ими Гонд занимается, да и вообще, они самостоятельные!

— Друг мой, при гостях невежливо говорить на языке, которого они не понимают, — доносится до нас голос капитана из коридора.

Гондом оказывается стриженный охранник. Мы с ним довольно быстро раскидываем детей по каютам по половому признаку (раздельно) и возрастному (один к одному). Потом я им (и себе) вставляю по горсточке успокоительного (в аптечках детских организаций всегда такие слабые препараты, что, пока две пластинки не съешь, не поможет), и скоро все дрыхнут без задних ног.

Меня все еще живо интересует наша дальнейшая судьба, так что спрашиваю у Гонда, не будет ли невыразимой наглостью с моей стороны разыскать капитана и спросить, о чем он договорился с Землей.

Гонд слегка приподнимает брови:

— Вы можете поговорить об этом с Алтонгирелом.

— А с капитаном нельзя? — Я стараюсь не очень настаивать, впрочем, Алтонгирел, по моему, устал от меня еще до моего появления.

Брови Гонда ползут еще выше.

— Ну если хотите, то можно и с капитаном...

Так говорит, как будто я собралась пообниматься с особо злобной собакой.

— Вы мне не советуете к нему сейчас подходить?

— Да нет, почему, он будет рад.

Я пожимаю плечами. Видимо, слишком устала, чтобы адекватно воспринимать действительность. К черту Алтонгирела, еще скажу ему случайно что-нибудь неласковое.

Капитан обнаруживается в той самой гостиной, где располагалась наша временная база. С ним еще двое полужнакомых мужчин. Они пьют какую-то бледную жижу из пластиковых пиал, расслабляясь после трудного дня. Ну или погибших поминают, кто их знает.

— Азамат-ахмад, — говорю я, стараясь проявить всю почтительность, на какую способна. Чего они на меня так таращатся? Что я, за два дня не могла просечь, как к капитану обращаться надо?

— Я вас слушаю, юная леди, — отвечает капитан, двое других начинают хихикать.

Ну и что я не так сказала? Это обращение принято только между мужчинами, что ли? Вот вечно мне надо выпендриться... ладно, плевать.

— Я хотела спросить, удалось ли вам связаться с Землей.

Ближайший ко мне муданжец, помоложе капитана и своего соратника, фыркает и зажимает себе рот.

— Спрашивайте, — благосклонно кивает капитан.

Нет, я не покраснею, и не надеюсь.

— Удалось ли вам связаться с Землей? — железобетонным голосом повторяю я. Ох уж мне эти мужские компании...

— Удалось, — отвечает капитан, поглядывая на меня со смешинкой в глазах. Правый уголок рта у него так сильно поврежден, что он как будто все время ухмыляется. Жуть с ружьем. — Стыковка с земным кораблем состоится послезавтра вечером, ориентировочно в восемь тридцать по Земле.

— Так скоро? — удивляюсь я. Мы же пять дней летели!

— Ну у вас пассажирский звездолет, большой. А мы быстро бегаем. — Он ставит свою пиалу на стол, берет чистую и наливает в нее из такого же пластикового кувшина все той же

бледной жижи. Протягивает мне.

Нет, я, конечно, убедила себя не удивляться, что космические террористы со мной обращаются так, будто я их королева, но тут уже усталость сказывается: я совершенно неприлично таращусь на капитана.

Он делает вид, что не заметил, и ставит пиалу на стол. Я пододвигаю ближайшее кресло (кстати, при всей их галантности, присесть мне никто не предложил), сажусь и беру пиалу. Невежливо, наверное, от угощения отказываться, тем более если сам капитан наливает. Отхлебываю. Оказывается, какой-то травяной чай.

Только выпив половину, осознаю, что это вполне может быть седативным или афродизиак (или два в одном, ага), и то, что я не опознаю его на вкус, ничего не доказывает — мало ли что у них на Муданге растет. Вот дура. Это же надо так попасться. Да еще и на корабле с дюжиной инопланетных мужиков. Ни фига себе я доверчивая.

Повисшее молчание надо как-то прервать, но у меня в голове только два варианта: поблагодарить за угощение или спросить, что они мне туда подсыпали. Второе невежливо, так что выбираю первое.

— Спасибо.

Капитан моргает, как будто не понимает, к чему это относится. Краем глаза замечаю, что двое других переглядываются. Мне становится страшно.

— Что вы тут делали, так далеко от Земли? — внезапно спрашивает капитан.

— Э, ну... — Голос не слушается, приходится кашлянуть. — Мы летели на курорт.

Как-то это жалко звучит. Несчастно даже.

— Курорт? Здесь? — перебивает молодой муданжец.

— На Кинине, что ли? — переспрашивает второй.

Киваю.

— Боюсь, что там теперь курорта не выйдет, — хмыкает Азамат. — По дальнюю сторону орбиты отстроили новые Ворота, чтобы обходить Гарнет и не платить за транзит. Так что теперь тут будет оживленно.

Ох, ну ни фига себе. Почему же у нас об этом ничего не знают?!

Капитан, очевидно, замечает мою вытянувшуюся физиономию.

— Джингоши обычно все выбалтывают в считанные дни, но, видимо, на этот раз им удалось помолчать подольше. Но мне все равно придется рассказать о Воротах, когда мы вас будем передавать на земной корабль, так что не волнуйтесь.

Лапочка ты мой, предупредительный. Я даже испугаться не успела.

— Идите спать, — говорит он мне как-то по-отечески. — А то сейчас заснете тут, а моим ребятам много чести будет вас на руках носить, юная леди.

Ну, ладно, всеобщий ему не родной, мог и ошибиться, кому это будет много чести. Но это обращение... Да ведь он же не знает, как меня зовут!

— Мое имя Лиза, — говорю, вставая.

Снова на меня пялятся все трое. Ну а с именем-то что не так?!

— Азамат, — говорит капитан. Как будто я и так не знаю.

— Тирбиш, — представляется молодой муданжец, сидящий около меня.

А третий молчит. Ну ладно...

Я желаю всем спокойной ночи и иду прочь, но уже на выходе слышу, как этот третий шипит Тирбишу по-муданжски:

— Ты зачем назвался?!

— Мое имя, кому хочу, тому говорю! Капитан тоже назвался.

— У капитана выхода не было, она ему сама представилась.

— *Ахамба, оставь его в покое.* — Это уже Азамат вклинивается. Ага, значит, Ахамба... — *Как будто ты в молодости красивым девушкам имя не раздавал. Да и вряд ли она умеет...*

Чего я вряд ли умею, я не поняла. У них что, имя как номер телефона, незнакомым не дают? Ужас какой. И что, я капитана вынудила представиться? Господи, да за что ж мне эти дикари?..

Не знаю уж, как должен был подействовать на меня этот их чай, но не подействовал никак. Заваливаюсь спать без задних ног, едва доплетаюсь до своей каюты, и никакие неразрешенные загадки мне не мешают. Чтоб я дома так спала, честное слово!

Утро начинается с приключений. Встаю, напяливаю какие-то шмотки, которые не глядя сгребла в мешок с лекарствами, выхожу в коридор, чтобы получить у кого-нибудь инструкции, какие порядки тут с завтраком. То есть я его готовить должна или у них какой-нибудь сухой паек предусмотрен? Иду в гостиную (которая, конечно, должна называться кают-компанией, но я блондинка, мне можно). За один поворот дотуда мне попадается навстречу Алтонгирел. Замечает меня, подходит так вальяжно, опирается на стенку над моей головой, зажимает меня в угол.

Ну все, думаю, кранты. До чего же рожа противная. Вроде ничего особенного, длинное такое лицо, нос с горбинкой, большие губы. Но выражение собственного превосходства над миром такое, что аж тошно. Готова на любые извращения, только бы целоваться не полез.

— Иди, — говорит, — детей своих корми.

Смаргиваю.

— Чем?

— Там на кухне все готово, а у нас есть дела поважнее, чем их из кают выгонять.

— Хорошо, — отвечаю, — а где кухня?

Закатывает глаза. Он это любит делать.

— Пошли покажу, — говорит так, как будто уже в пятнадцатый раз показывает.

Какие они разные, эти наемники. Только давайте там правда будет кухня, а не его спальня...

Мои мольбы услышаны, это кухня, а точнее, целая столовая. Меня представляют огромному печному горшку с горячим чем-то. Похоже на рагу, но поди ж его разбери. Пахнет вкусно.

— Дальше разберешься? — снисходительно, как слабоумную, спрашивает Алтонгирел.

Он мне очень не нравится. Но не все же коту масленица, правда?

Киваю.

К счастью, почти все мои дети при вчерашней эвакуации успели похватать сумки, так что им нашлось во что переодеться и даже чем почистить зубы. А я вот очень страдаю по утраченной расческе, не говоря уже обо всяких пемзочках-мочалочках.

Детей не приходится приглашать на завтрак дважды, и тюрю из горшка, оказавшуюся и правда мясным рагу, они лопают с энтузиазмом. Кажется, некоторые из ребят —

вегетарианцы, но я и в нормальных-то условиях им не очень потокаю, а уж тут кушают как миленькие. Правда, чье это мясо, не знаю.

Дальше мои дети чинно сгружают тарелки в посудомойку (ну не я же за всеми буду убирать, правда?) и отправляются обратно по каютам. Вернее, это я так думаю. До сих пор они так хорошо себя вели, что я прямо расслабилась.

Однако когда через четверть часа я покидаю столовую с намерением тихо посидеть повязать, внезапно обнаруживаю, что по кораблю носятся с топотом и визгом два десятка молокососов, а кто постарше пытаются пробраться на капитанский мостик, поглазеть, как управляется настоящий наемничий корабль. Гомон стоит дикий, и я в ужасе представляю себе, что мне сейчас скажет Алтонгирел (почему-то именно от него мне кажется наиболее вероятным получить взбучку).

Я кидаюсь собирать своих подопечных и еще через полчаса более-менее сгоняю их всех в ту же гостиную. Но они по-прежнему буянят, стоят на голове, скачут по диванам и норовят разбежаться, стоит мне отвернуться. Расходиться по каютам дети отказываются решительно. Ох уж мне это гуманное воспитание!

Ну я как чуяла, что без Алтонгирела не обойдется! Вот он, красавец, стоит в дверях и с отворачиванием на всех нас смотрит. Может, этих мелких паразитов хоть его рожа проймает?

Не проняла.

— Здрасьте! — радостно здороваются дети.

— А у вас куртка форменная? — с места в карьер спрашивает один мальчик.

— Продадите? — тут же подхватывает другой.

Я хватаюсь за голову.

— Приструни своих молокососов, — цедит Алтонгирел.

Да я бы с удовольствием, цыпочка.

— Пытаюсь.

— Я сказал, не пытайся, а приструни!

Ах ты гад!

— Если б могла, давно бы уже так и сделала. — Стараюсь сдерживаться. Все-таки мы от них зависим.

Кажется, он осознает, что я бессильна (и это, конечно, роняет мой авторитет в его глазах ниже нуля) и решает попробовать свои силы.

— А ну быстро все по каютам!!!

Эти мелкие гады ржут. Я начинаю бояться. Только в открытый космос не вышвыривай, дядя.

— Ребят, — говорю, — это не смешно. Щас придет капитан и выкинет всех вас за борт, и меня тоже. Тут вам не школа. Нам вообще большую милость оказывают, что домой везут.

Ну человек десять старших слегка посерьезнели. Но это даже не четверть. Остальные принялись шептаться. Я улавливаю реплики: «Настоящий капитан!», «А за бортом очень холодно?», «Меня мама не пустит» — и еще что-то столь же разумное. Господи, да что же делать-то? Ну не умею я с детьми обращаться, когда их так много!

Алтонгирел кривится и выходит из гостиной. Я уже достаточно себя накрутила, чтобы подумать, что он и правда сейчас на нас доносить пойдет. Кидаюсь за ним.

— Послушайте, ну они же не виноваты! Они маленькие, глупые, никогда не были в такой ситуации. У многих это вообще первый полет без родителей!

— А почему меня это должно волновать? — бросает муданжец через плечо.

Кажется, я сейчас заплачу. Кстати, может, так и сделать? На мужиков это иногда действует. Набираю в легкие побольше воздуха, преисполняюсь жалости к себе — и...

— Ну почему вы такой жесто-о-окий?! — Хороший рев вышел, еще и от стен отрикошетило.

Он замирает и оборачивается, как будто увидел привидение. Что, так страшна? Нет, я знаю, что у меня все лицо краснеет, когда плачу, но чтобы так напугать...

Стоим, пялимся друг на друга в полутемном коридоре, я озадаченно всхлипываю, он губами шевелит... и тут между нами распахивается дверь.

Оказывается, мы устроили всю эту пантомиму ровнехонько у каюты капитана. И он, конечно, вышел посмотреть, что тут за шум. Ох, что сейчас будет...

Азамат первым видит обалдевшего Алтонгирела, потом меня с мокрой красной физиономией. Ну вот, и его тоже напугала. Поворачивается снова к моему обидчику, лица его не вижу, но тот отступает на шаг.

— *Я ничего...* — начинает Алтонгирел неровным голосом, глядя снизу вверх на возвышающегося над ним капитана. Этот человек умеет робеть?! — *Я только... там эти дети очень шумят, я только попросил их... ну, по каютам... Я даже не сказал ничего!*

Азамат снова смотрит на меня, я поспешно вытираю слезы. Если Алтону из-за меня влетит, он же меня потом со свету сживет!

— Я... просто... перенервничала, — мямлю. — Извините.

Кто ж их знал, что они такую трагедию из-за меня устроят? Они тут вообще женщин не видят, что ли? Или, может, на Муданге растет какая-нибудь трава, облегчающая ПМС? Я тоже такую хочу!

— Оставь детей в покое, — говорит Азамат Алтонгирелу. На всеобщем, заметьте, вежливый ты мой.

В этот момент со стороны гостиной раздается жуткий грохот и визг. Успеваю заметить, как Алтонгирел, осмелев, иронично поднимает бровь. Мчусь на шум.

Ну конечно, они уронили диван! К счастью, вроде бы никто не пострадал. Врываюсь в гущу, начинаю отчитывать подопечных, вдруг все стихает.

Оборачиваюсь — в дверях стоит Азамат во всей красе: два метра с гаком, в черной блестящей псевдокоже, шрамы на пол-лица. Хмурится, обводя взглядом наше собрание. Дети, как бандарлоги, пялятся на него, затаив дыхание. Похоже, вчера слишком перепугались, чтобы заметить.

— Будьте поосторожнее, пожалуйста, — произносит капитан своим спокойным, раскатистым голосом.

— Да, сэр, — говорит кто-то из старших мальчиков и внезапно запускает цепную реакцию:

— Да, сэр! Да, сэр! — нестройным хором отзываются остальные.

— Вам лучше разойтись по каютам и заняться тихими играми, — продолжает Азамат благосклонно-отеческим тоном.

— Да, сэр, — на этот раз звучит почти в унисон.

Встают. И расходятся!

Впрочем, я и сама с трудом удерживаюсь, чтобы не разойтись вместе с ними. Вот это я понимаю у человека сила убеждения! Впрочем, увязавшийся за нами следом Алтонгирел смотрит так, как будто мы все с ума посходили.

Когда последние детские шаги стихают в коридорах, наш зазнайка все-таки не

удерживается:

— Ну ничего себе! Землянку они не слушают, меня они не слушают, а тебя — пожалуйста!

Азамат, кажется, и сам слегка озадачен. Пожимает плечами. Теперь уже я смотрю на них как на чокнутых.

— А что вас удивляет? — спрашиваю. — Он капитан. Высокий, э-э-э, внушительный. Конечно, его слушаются!

И тут этот потрясающий человек, в смысле Алтонгирел, видимо, решает, что ему жизнь не мила в этом несправедливом мире, потому что говорит:

— Но он же урод!

Я замираю вследствие полного отключения мозга. Господи, что сейчас будет? И как мне реагировать? Возмущаться? Прятаться?

Очень осторожно перевожу взгляд на Азамата. Тот задумчиво смотрит в сторону.

— Возможно, — медленно произносит он, — у землян другие приоритеты.

— Ка-анечно! — фыркает Алтонгирел, а потом кивает на меня.

Ой нет, нет, пожалуйста, только не это, не спрашивай меня...

— Вот скажи, по-твоему, он что, не урод?

Все-таки спросил, зараза. И что мне делать?!

Внезапно очень ясно осознаю, что, будь я Парисом, яблоко бы досталось Афине, потому что у нее ружье. Ну то есть, копье. Неважно. Так, девочка, соберись. Тут надо отстраниться и ничего не отвечать.

— Боюсь, что не понимаю вашего юмора, — говорю с как можно более тупым выражением лица.

— Да нет, я серьезно! — продолжает этот мучитель.

— Серьезно не понимаю, — говорю в ответ и порываюсь сделать ноги.

К сожалению, он стоит как раз между мной и дверью. Хватает меня за локоть, зараза такая.

— А ну-ка отпусти, — быстро и мрачно командует Азамат.

Отпускает, извиняется.

Меня уговаривать не надо, лечу по коридору, словно взрывной волной отбросило.

Сажу за решеткой в темнице сырой. Ну ладно, сухой, то бишь в своей каюте. И решетку я тоже сама себе организовала — заперлась изнутри. Теперь бы пульт от двери не потерять, а то на ней самой, кажется, никаких кнопок нет.

Каюта у меня очень приятная: небольшая, но все на месте. Кровать человеческая, а не эти гравитационные гамаки, которые на наших малых кораблях ставят на случай разгравитации. Столик для бука (нет-, комм-, джой — и какие они там еще бывают...) с выдвижным креслом, сверху полочки, прямо нормальное рабочее место. Интересно, мудардцы тоже играют в наши сетевые РПГ-шки? И что они на этих полочках держат? Народную музыку в красивых коробочках? Летописи в электронном формате?

В другой стене встроенные шкафчики и — о чудо! — дверь в личный санузел. На земных кораблях эту роскошь себе позволяют только капитан да пара заместителей, ну или уж если у кого частный звездолет. Вот это я понимаю, люди ценят личное пространство. Да и вообще, они же тут, наверное, месяцами живут безвылазно. Без комфорта никак.

Жаль, у меня ни нетбука, ни зубной щетки нет. Хотя погодите-ка, вот же в мешке

одноразовые щетки. Ладно, одной проблемой меньше. Теперь бы еще маме позвонить, а то же волнуется, наверное. Интересно, насколько хорошо наши скрывают взорванный корабль? Не узнать-то не могли. И ведь главное, скорее всего, про взрыв уже вся планета знает, а вот что кто-то спасся — только председатель Земного союза. Сволочи. Могу себе представить, что там мама... и брат... ох, нет, лучше не представлять. Пойти, что ли, попросить кого-нибудь письмо отправить? Так там Алтонгирел. Вот зараза, из-за него... ну нет, я ему не позволю портить кровь моей родне. Вот сейчас же выйду и выклянчу связь.

Выхожу. Никого. Сую нос в гостиную. Никого. На кухню. О! Капитан! Вот и прекрасно.

— Здравствуйте, — улыбаюсь по возможности очаровательно.

— Сегодня уже здоровались, — говорит он, но не вздорно. Видимо, опять чертовы культурные различия.

Подхожу, сажусь напротив.

— Я хотела спросить... — начинаю говорить и вижу, что ему опять становится смешно. Да чтоб тебя! — Ладно, хорошо, я спрашиваю. У меня дома все, скорее всего, считают, что я погибла. Можно мне как-нибудь им... письмо хотя бы отправить?

Смотрит на меня, как на попугая, который учится говорить.

— Вы, наверное, никогда раньше не общались ни с кем с Муданга?

— Наверное, нет.

— Вы не уверены?

— Ну мало ли... Вы не так уж отличаетесь от некоторых земных народов... — В голове всплывает светлый образ сетевых игр. — А в Сети обычно и лица не увидишь.

— Насчет Сети — это верно. Но я думал, что земляне все, как вы.

— Да нет, что вы. Такие бледные, как я, вообще вымирающий вид. А так, мы самые разные бываем. Разве что ростом в среднем пониже... — добавляю, очередной раз прикидывая, сколько же в нашем капитане этого самого роста. Вот и кровать у меня в каюте, кстати, все два с половиной в длину. И стол мне высоковат...

Он немного смущается и утыкается в свой бук, который стоит тут же на столе сбоку, а я и не заметила. Поцелкал там чего-то, поворачивает ко мне.

— Пишите, звоните, делайте что хотите.

Ой, я думала, он меня к кому-нибудь из подчиненных с этим пошлет... Все-таки странная у них субординация.

* * *

Привет, мам.

У нас тут небольшая нестыковочка вышла, но у меня все ок. Похоже, буду дома раньше, чем собиралась. Новости не смотри, если посмотрела — забудь, там пургу гонят, чтобы деньги отмыть, как обычно.

Со связью у меня сейчас не очень, так что не удивляйся, если долго не буду писать.

Брату привет, погладь кота.

* * *

— Спасибо, — говорю, закрывая почти и поворачивая бук обратно к владельцу.

Он, пока я писала, встал и занялся чем-то в собственно кухонном углу столовой. Смотрю — несет вчерашний пластиковый кувшин с пиалами.

— Не откажетесь?

Отказаться-то я не откажусь, но что-то мне это нравится все меньше и меньше. Нет, ну серьезно, с какой стати он меня обслуживает? То есть стать-то довольно очевидная, но удивительно, что он считает это нужным. Мог бы и просто потребовать. Я же ни отбиться, ни убежать не могу... Если только ему доставляет удовольствие сам процесс?

— С-спасибо. А можно узнать, что это? — Вот только попробуй мне сказать «узнайте»!

Он произносит какое-то страшное раскатистое слово, я пугаюсь, капитан улыбается.

— Извините, не знаю названия на всеобщем.

Лезет в бук, что-то там находит, поворачивает ко мне. Там файл — батюшки-светы, справочник по лекарственным растениям, на мударжском языке! Электронное издание... кто бы мог подумать. На меня смотрит картинка: мелкая травка с колючими листочками, цветы-звездочки. Как есть могильник!

— А, — говорю, — Пеганум. Хармала.

— Да, да, — говорит он. — Гармарра.

Ох ты, елки, могла бы и узнать.

— Я думала, ее курят.

— Только когда очень весело. — Он так улыбается, что хоть сейчас косячок подавай. — Но у нас правило, в космосе — не пьем и не курим. А если ее заварить, получается просто приятный напиток. Успокаивает, улучшает настроение.

Ах вот чего я так спала вчера хорошо.

— Спасибо... что вчера угостили.

Смотрит на меня опять как-то странно. Сколько я его благодарю, еще ни разу «пожалуйста» не сказал. Это у них тоже не принято? Сейчас будет тебе той же монетой:

— Вы, наверное, нечасто с землянами общаетесь? — спрашиваю невинно.

— Так близко — впервые. — Ни капли не смутился. — Переговоры ведем, конечно. Но это очень интересный опыт.

М-да, взаимно.

— Ну так вы будете? — кивает на пиалу.

— Боюсь заснуть...

— Ах да, я не подумал... вам нужно, наверное, пожиже развести...

Да елкин дрын! Кто из нас тут капитан космических пиратов, а кто запуганная девица?! И ведь не скажешь ничего, еще не так поймет — и мне кранты.

— Да вы не беспокойтесь, я как-нибудь... и так... Я ведь только зашла насчет письма, неудобно вас отвлекать... — мямлю в лучших традициях визита в бухгалтерию.

Качает головой, глядя сквозь меня куда-то вдаль. Глаза у него — узкие длинные щелочки, а веки такие огромные... вокруг правого глаза все обожжено, удивительно, как сам глаз не задело. Интересно, сколько ему лет? У левого глаза сбоку морщинки, но седых волос совсем нет. Хотя кто их знает, когда они там седеют, эти инопланетяне. Зубы на вид все свои, а если у них зубные врачи такие же, как тот, который ему ожоги залечивал, то очень много лет капитану быть не может. Шрамы на шее тоже есть, а дальше высокий воротник. С учетом того, на что похожи ладони, и под одеждой ничего себе должно быть. Как же это, наверное, было больно — подумать страшно.

— Не переживайте, — вздыхает. — Я с удовольствием трачу на вас время. Люблю узнавать новое. Лучше расскажите, что вы обычно пьете.

— Чай... — пожимаю плечами. — Ну это если безалкогольное.

— Чай... — повторяет. — Но еще рано, его вечером... или вы днем?

— Да хоть круглые сутки, — хихикаю.

— Легко. — Опять я его с места согнала, пошел, похоже, чай добывать. Достает немаленький холщовый мешок. — Вот, — говорит, — заваривайте.

Ну, заварочного чайника, конечно, не нашлось. Хорошо хоть кружку какую-то отыскала с ситечком сверху. Листья они сушат, похоже, целиком. И никаких добавок. Получилась жидкость почти шоколадного цвета, разве что прозрачная слегка... но на вкус нормально. Беру пиалу побольше — чашек-то тут совсем нет, иду к столу. Капитан там уже опять в буке ковыряется. Смотрит на меня, как на дрессированную собачку.

— Вам посуда подходит?

— Ну я бы предпочла, чтобы она была с ручкой, а так вполне.

И тут он принимается хохотать. Да как! Громко, гулко, просто автоматная очередь. Голову запрокинул — господи! А на шее-то шрамы... как он только выжил?!

Развеселить Азамата оказалось не лучшей идеей — на этот грохот, который у него канает за смех, является Алтонгирел. Я стараюсь слиться со стулом, естественно, тщетно.

— Развлекаешься? — интересуется Алтоша как-то нехорошо.

Азамат вытирает ладонью левый глаз. Ой, как мне хочется отсюда уйти немедленно и не вникать в их разборки...

— Тебя что-то не устраивает? — спрашивает капитан все еще весело.

— Да так, знаешь, боюсь, как бы ты потом не разочаровался слишком жестоко, — цедит Алтонгирел.

Когда Азамат сидит, Алтоша выглядит почти представительно. Оборачивается ко мне, опираясь на спинку моего стула:

— А вам еще не скучно, *юная леди*?

Что он хочет подчеркнуть? Что юная? Или что леди? Нет, тут явно какие-то свои интриги, которых я не понимаю и понимать не хочу. Выгибаю спину, чтобы быть от него подальше.

— Напротив. Мы вели чрезвычайно познавательную беседу о напитках.

— Уверен, вы получили от этого массу удовольствия, — шипит практически мне в ухо.

Отклоняюсь в сторону так, что это уже неприлично. Ну почему Азамат ничего не сделает?!

— Совершенно верно, — огрызаюсь.

— И почему я вам не верю?

Он уже меня почти касается. Приходится все-таки встать и обойти стол.

— Понятия не имею.

Сейчас ведь расплещет мой чай, урод.

К счастью, он переключается на Азамата — и заодно на муданжский:

— Очень тебе советую это прекратить.

Капитан, изменив своей вежливости, тоже переходит на родной язык:

— Я не уверен, что это входит в сферу твоей компетенции.

Хорошо, что у них тоже много умных слов заимствовано из всеобщего, а то хрен бы я что поняла.

— Зато я уверен. Над тобой мало смеются? Хочешь брызнуть бензином в костер?

А, ну да, поняла. Еще бы знать, о чем он...

— Я думаю, что больше уже некуда.

— Тебе рано себя хоронить.

— И поэтому ты считаешь, что мне надо сидеть под замком.

Да о чем они?! Или я не хочу этого знать...

— Азамат, я тебя предупредил, что будет больно.

— Мне не привыкать.

На этой оптимистической ноте Алтонгирел вздыхает и выходит из кухни строевым шагом, шарахнув дверью.

Я вздрагиваю, вжимаю голову в плечи и зажмуриваюсь.

— Простите, — говорит Азамат.

Да уж, правильно извиняешься. Только почему ты его сразу не выставил?

— Я думала, он ваш подчиненный, — не выдерживаю.

— Не совсем, — откидывается на спинку стула, вздыхает. — У нас с ним некоторое разделение ролей. У меня, как бы это сказать... светская власть, а у него духовная.

Таращусь.

Вот уж такого — на звездолете! — я точно не ожидала.

— Знаю, что это странно, — ухмыляется он. — Но у нас так заведено. Наемники иногда годами не бывают на планете, а со Старейшинами по нетбуку не поговоришь — нарушится таинство поучения. С другой стороны, у некоторых старейшин есть ученики, которые после пятнадцати лет послушничества обязаны провести хотя бы десять лет в удалении от наставника, научиться принимать собственные решения. Вот они-то и летают с наемниками. Алтонгирел здесь уже пять лет, но я его знаю с детства.

— А, э-э... вы не ладите?

— Обычно ладим, просто он несколько... близко к сердцу принимает некоторые вещи.

Ага. И называет тебя уродом.

— Но вообще-то он хороший друг, — заключает наш удивительный капитан.

Пора мне делать ноги из этого дурдома.

Извиняюсь, забираю свой подостывший чай, иду к себе. Где мое вязанье... Там как раз самое время начинать узорчик вывязывать, для этого какая-никакая, а концентрация нужна, хоть голову займу, чтобы не ломать ее о подслушанные реплики на неблагозвучном муданжском... Может, я на самом деле все совсем неправильно поняла. Ведь до этой истории даже никогда живого муданжца не слышала, только нашего препода...

...Пиала вылетает из рук и *разбивается о стену*, хоть и пластиковая. О н-нет, как я могла его не заметить?!!

Мощная рука Алтонгирела впечатывает меня в стенку, глаза его сверкают, из ноздрей дым валит, рожа красная, клыки торчат... не знаю, что уж там правда, а что мне с перепугу мерещится...

— Держись подальше от Азамата! — рычит он так, что я еле разбираю слова.

Его пальцы сжимают мое плечо в опасной близости от горла, да с такой силой, что вот-вот ключица хрустнет. А кроме меня самой, тут врача нету... как же так, духовник есть, а врача нету...

— Слышишь?! — шарахает он меня затылком об стену.

Хорошо, что я не пластиковая.

Слышать-то слышу, но в ушах шумит, в глазах рябит, в горле вантуз застрял... Пытаюсь кивнуть, но он не понимает. Навис надо мной, маленькой, как вопросительный знак, вот-вот точкой под дых заедет. В панике толкаю его в грудь, но с тем же успехом можно было попытаться пройти сквозь стену: он сильнее меня раз в двести, наверное.

— Я тебе побрыкаюсь.

Он заносит руку... начинаю визжать. Не длинно, как заклинивший дверной звонок, а короткими пронзительными взвизгами, точка-тире, хотя все больше точка-точка-точка...

Что-то происходит, и мне позволяется упасть на пол. Пожалуй, я за эти дни превысила месячную квоту по падениям. Так, дышим глубоко. Не хватало мне еще в ответственный момент панического приступа. Кажется, меня уже никто не убивает. Еще пара глубоких вдохов, и можно попробовать воспринять окружающий мир.

Мир тих, хотя в ушах по-прежнему шумит. Поднимаю голову — и вижу длинную косу. Капитан здесь. Странно, только что ведь был на кухне. Хочется дернуть за косичку, но пока могу сдержаться. Хорошо, что не стала пить могильник. Сажусь на колени. Затылок саднит, щупаю — череп цел, а это главное. Бедная моя голова, что ни день, то шишка.

Капитан поворачивается ко мне, через его плечо я вижу Алтонгирела, белого как полотно. Огромные черные глаза на меня таращит, руки не знает куда деть. Наконец-то гул в моих ушах стихает, и я начинаю осознавать, что случилось. Похоже, орала я громко, на совесть, и моя глотка теперь очень мной недовольна. Азамат приседает около меня, смотрит с тревогой. Ты еще пальцем потыкай. Живая я, живая...

— Вы как?

Очень не хочется говорить. Руки дрожат. Ноги, наверное, тоже. Осторожно киваю, тру лицо, как будто только что проснулась. Понервничай-понервничай. В следующий раз надаешь физдюлей своему духовнику до того, как он сделает из меня отбивную. Внезапно очень хочется к маме. А еще лучше — к Кириллу, но его больше нет, и никто меня сильными руками не обнимет и щетиной не пощекочет. Стой-стой-стой! Я не хочу сейчас плакать! Они и так уже достаточно насмотрелись, какая я слабая и беззащитная. Капитан того и гляди примется меня по голове гладить. Достаточно ли я несчастна, чтобы этого хотеть? Пожалуй, нет. Тем более что у него из внутреннего кармана расстегнутой куртки торчит что-то огнестрельное, а я боюсь вооруженных мужиков.

— Встать можете? — спрашивает он.

— Щас попробую, — говорю ожидая, что он мне руку предложит.

Не предлагает, гад. Ладно, может, растерялся. Хочу опереться на его предплечье, но он вдруг отстраняется. Пока пытаюсь врубиться, капитан поворачивается к Алтонгирелу:

— Иди помоги.

— Нет!!! — очень быстро выкрикиваю я. Бедная моя глотка, у твоей хозяйки реакция намного опережает разумную мысль.

Духовник застывает, занеся ногу для шага, неуверенно смотрит на Азамата.

— Не волнуйтесь, — говорит мне этот потрясающий человек. — Он не причинит вам вреда, я обещаю.

Тебя при рождении сколько раз головой уронили? Ой, не надо о голове...

— Уберите его от меня, — говорю тихо и хрипло, но, как мне кажется, убедительно. Пытаюсь подвинуться так, чтобы капитан оказался ровно между мной и этим чудищем поганым.

— Лиза, не психуйте, — строго говорит Азамат. — Кто-то же должен помочь вам дойти до каюты. Алтонгирел, давай уже, иди сюда, не тяни время.

Поняв, что помощи мне ждать неоткуда, беру свое спасение в свои руки. В роли спасения предстает та самая пушка из кармана Азамата.

— Еще шаг, и останешься без печени! — хриплю как можно более грозно. Стрелять нас

учили, у меня даже неплохо получалось. С такого расстояния если не печень, то какой-нибудь важный орган задену. Руки, правда, дрожат...

Мужики ахают и отступают. Азамата я совсем не понимаю, он же сбоку сидел, мог прекрасно отобрать у меня свою пушку, держу пари на что угодно, что у него реакция лучше, чем у меня.

— Лиза, послушайте, — начинает урезонивать капитан. — Давайте не будем все усложнять. Алтонгирел не собирался причинять вам боль.

— Ага, только придушить и об стенку постучать! — От адреналина язык заплетается, не знаю, насколько они вообще понимают, что я говорю. Где мой полированный университетский выговор...

— Я только припугнуть тебя хотел! — обретает наконец голос Алтонгирел.

— Тебе удалось! — ору так, что в страшном сне не приснится.

— Я не знал, что земляне такие хрупкие!

— Заткнись, урод! Вали отсюда и не прикасайся ко мне никогда!!!

Надеюсь, он не замечает, что у меня предохранитель не снят, потому что пальцы совсем не слушаются... судя по тому, как у него лицо идет пятнами, ему не до предохранителя.

— Прикормил стерву, теперь сам с ней и разбирайся! — выкрикивает он капитану и стремительно уносится прочь.

Мои руки сами собой опускаются, меня бьет крупная дрожь.

Капитан снова присаживается около меня.

— Отдайте мне пистолет, Лиза, он все равно не заряжен.

Кошусь на него недоверчиво. Поворачиваю пушку кверху пузом — и правда, индикатор заряда даже не светится. Тьфу ты. Кладу бесполезный предмет на пол рядом, капитан сует его обратно в куртку.

— Чего ж сразу не отобрали? — бормочу, прислонившись виском к холодной стене. Представляю, какое у меня будет несварение желудка после всего этого стресса.

— Алтонгирел мне нужен, а он обидчив. Я предпочитаю не наказывать его самостоятельно. Тем более что от вас ему обиднее слушать оскорбления, чем от меня.

Не знаю, чем я его там оскорбила... лишь бы не приближался.

— Помогите мне встать, — говорю устало.

Обойдется без реверансов после такой нервотрепки. Капитан еще чего-то колеблется. Что, думаешь, укушу?

Подставляет руку, но не ладонь. Цепляюсь за что есть, встаю, повисаю. Ноги дрожат так, что, по-моему, вибрация переходит на стены. До него наконец-то доходит, что меня надо придержать. Не знают они, дескать, что земляне такие хрупкие. *Каз-злы*.

Азамат практически доносит меня до каюты, вид у него такой виноватый, что мне даже становится его жалко. Как он ухитряется быть хорошим капитаном, если так неуверен в себе?

Сворачиваюсь клубочком на диване. Кто бы знал, как мне надоела эта короткая юбка. Только и следи, чтобы выглядеть прилично. Хорошо хоть туфли на мне удобные были во время нападения, танкетки, не каблуки. Но на кроссовки готова хоть прямо сейчас поменять. А так приходится их снять, чтобы дать ногам отдохнуть. Капитан уходит, еще раз извинившись, и дверь за ним защелкивается.

Я довольно быстро перестаю изображать из себя несчастную жертву обстоятельств. Все-таки обошлось без травм, так, синяк на ключице да шишка на затылке. Вот напугалась я конкретно. С этим и надо бороться.

Встаю, раскапываю свой мешок: тэк-с, этого внутрь от нервов, этого в нос для соображаловки, а этим шишку помазать. Красота. Какая же я все-таки умная! Про удачливость в данной ситуации, пожалуй, промолчу.

Стук в дверь. Кого это принесло? Добывать пришел? Спрашивать бессмысленно, закрытая каюта на звездолете всегда звуконепроницаема. Осматриваю пульт, кнопки подписаны по-муданжски. Ладно, в случае чего скажу, нажимала наугад. Будем надеяться, «окно» — это то, что мне нужно.

И правда, дверь становится прозрачной. Не исчезает совсем, к счастью, а то бы меня точно кондратий хватил, а так — мутненько, но видно. Там капитан. Стоит, переминается, в руках что-то держит, не разберу. Один вроде. Ладно, не могу же я капитана не пустить... у него, наверное, все равно пульт от всех дверей есть. Открываю.

— Простите за вторжение, — начинает он. Поклонись еще поясно. — Подумал, может быть, поможет успокоиться.

Ставит на стол пиалу с дымящимся чаем. Скажите, что мне этот бред снится, а? Потому что иначе я пошла искать чемпионат по неадекватному поведению, я знаю, кто его выиграет.

Нет, правда же на сон похоже? Особенно такой... в измененном состоянии сознания... Вот и повторяющийся мотив, и всем, кроме меня, происходящее кажется естественным. Но самое ужасное, что я не могу просто проигнорировать Азамата, как надоедливого ухажера в чате. Приходится реагировать.

— Ой, да не надо было, — всплескиваю руками, хоть и с задержкой. — Мне прямо неловко, прислали бы кого-нибудь на худой конец...

— Да, наверное, так и следовало сделать, — неожиданно соглашается он, глядя в сторону.

Обиделся! О господи, что же это за кошмар такой?!

— Я... то есть... в смысле... — Что можно сказать капитану, черт возьми, пиратского корабля, чтобы он перестал на меня обижаться?! Неужто решил, что я его видеть не хочу?

— Ничего-ничего, — говорит он, поворачиваясь к двери. — Я вас больше не побеспокою.

Приходится все-таки вскакивать и догонять его босиком, а я так не люблю ходить в общественных местах без тапочек... Хватаю его за руку, мелодраматичненько так, но ничего лучшего в голову не приходит. Впрочем, действует хорошо, капитан останавливается, как будто я на паузу нажала.

— Подождите, — говорю.

А чего еще сказать, не знаю. Он послушно ждет, смотрит на свою руку, как будто впервые видит. Если когда-нибудь в старости буду преподавать в космическом колледже, организую там спецкурс о повадках инопланетян, потому что знания языка тут явно недостаточно. Я ведь только догадываться могу, на что он обиделся. А если не на это? Кстати, до сих пор не знаю, что его так развеселило в столовой. Но, похоже, выбора у меня нет. Была не была и прочие пропавшие паны.

— Я вас не прогоняю, просто мне страшно неудобно отнимать у вас столько времени. Вы так обо мне заботитесь, как будто я какая-то особенная, а я самая обычная, и мне очень неловко.

Надеюсь, *это* он не воспримет как «отстань, без тебя справлюсь»?

Улыбается, шевелит бровями. Фух, пронесло...

— Вы ведь с Земли, — говорит.

Тонко подмечено, однако...

— Ну да, — моргаю.

— Ну и какая же вы «самая обычная»?

А, то есть я — редкий экспонат в коллекции, так, что ли? Меня надо держать в удобном вольере и кормить предпочитаемой пищей?.. А чего это я внезапно так разозлилась? Пускай царь диковинкой потешится, лишь бы вернул на место в целости.

Однако часть моего возмущения, видимо, все-таки отражается на лице, и капитан замечает. Тянет руку, чтобы я отпустила. Теперь сверх прочего мне еще и стыдно.

— У вас на корабле, — говорю, — еще сорок семь человек землян.

— Они меня боятся.

— Я тоже.

Ой, зря сказала, сейчас опять обидится! Быстро, быстро все исправить!

— Правда, Алтонгирела я боюсь гораздо больше, — выдаю с нервным смешком.

Так, кажется, на этом канате я научилась балансировать. Капитан снова улыбается. Вернусь на Землю, попробую себя на поприще дрессировки диких зверей.

— Не стоит, он теперь к вам на пять метров не подойдет.

— Или просто подстроит несчастный случай.

Азамат так широко открывает глаза, как ему позволяет природная узкоглазость.

— Вы же не можете всерьез предполагать, что он хотел вас убить? — спрашивает он меня в благоговейном ужасе.

— Мне жаль вас разочаровывать, — говорю, — но я в этом твердо уверена.

Этот непредсказуемый человек покатывается со смеху.

— Извините, Лиза, — говорит он. — Но это совершенно невозможно. Я сам виноват, надо было вам сразу все объяснить. Ни один муданжец не причинит вреда землянину нарочно. Это абсолютное табу. Алтонгирел вел себя как полный идиот, но он действительно просто не рассчитал силу.

— А как вы тогда воюете? Чтобы без травм? — Это что, новый шаг в буддизме?

— А мы с Землей и не воюем. И земных заложников вот впервые осмелились взять. — Капитан хмурится. — Мне слава в голову ударила. До сих пор у меня еще ни один заложник не пострадал, вот я и соблазнился. Мне очень жаль, что вам пришлось так переживать, но на этом корабле вас никто не тронет. По-хорошему мы вообще не имеем права к вам прикасаться и даже знать ваше имя. Я почему-то был уверен, что вы это понимаете. Земляне для нас — те же боги.

Меня снесло лавиной новой информации еще где-то на середине его монолога, и теперь я пытаюсь осмыслить сказанное. Так вот почему он мне руки не подал.

— А тогда зачем вы пытались, — осмысление начинает потихоньку порождать вопросы, — заставить Алтонгирела довести меня до каюты? Он ведь тоже не должен меня трогать?

— Не должен, но он духовник, и он красивый, так что из нас двоих для него нарушение этого запрета — меньшее зло.

Ну я и попала. Нет, все, конечно, прекрасно, но... ой, я же его за руку взяла!

— А мне-то можно вас трогать? — спрашиваю в легкой панике. Еще не хватало, чтобы я ему какой-нибудь запрет нарушила.

Удивленная улыбка — это, видимо, выражение его лица по умолчанию.

— Можно, конечно, хотя меня несколько озадачивает, что у вас возникает такое

желание, — хмыкает капитан.

Он все-таки вогнал меня в краску. Ну ладно, хоть с третьего раза, вот, знайте, что я сопротивлялась.

Ой, а ведь он же меня сюда волок...

— А это ничего, что... — начинаю я, но он, похоже, уже просек ход мыслей моей паранойи.

— Если вас это устраивает, то все в порядке.

Облегченно вздыхаю. Меня так и будет сегодня швырять из паники в спокойствие и обратно? Где там мой чай? Если уж капитан сам принес, грех не пить. Да и вообще, мы уже минут пять как идиоты стоим около двери.

— Может быть, присядем и обсудим все спокойно? — предлагаю я, немедленно подавая пример.

Он, склонив голову, наблюдает, как я на цыпочках гарцую обратно к кровати — полы тут вроде чистые, но не люблю я босиком ходить. Он как-то выкручивает компьютерный стул задом наперед и садится лицом ко мне, откинувшись на спинку. Ему этот стул маловат, правда. Капитан у нас все-таки очень крупный дядя, не только ростом, но и в прочих измерениях.

Впиваюсь в чай, отчего Азамат несколько прибодряется. Думал, вылью, что ли? Нет, как ему все-таки удастся людьми управлять, с такой-то самооценкой? Надо с ним быть повежливее, если уж я для него такая важная персона. Может, комплексов ему поубавлю.

— Азамат-ахмад, — начинаю вроде как вежливо, запоздало вспоминая, какая на это была реакция в последний раз. Ну и он, конечно, хохочет.

— Не называйте меня так, — отмахивается.

— Ну почему? — спрашиваю несчастным голосом.

Отворачивается, бормочет что-то на муданжском. Похоже, я его все-таки дожала до того порога, где кончается его знание всеобщего.

— Это я вас должен титулами называть, а не вы меня, — объясняет наконец.

Ага, ну хотя бы не сказала ничего неправильного.

— У меня никаких титулов нету, — говорю, — и лечу на вашем корабле. Не могу же я вас просто по имени называть!

Смотрит на меня долгим изучающим взглядом, а потом вдруг выдает:

— Вы, очевидно, не понимаете, насколько красивы.

Да что у него за пунктик с этой красотой? Я не жалуясь, конечно, но как-то до сих пор за мной не водилось способности устилать улицы обморочными юношами. С другой стороны, если он Алтонгирела красавцем считает, то на его фоне я, конечно, суперзвезда.

— У нас могут быть разные критерии оценки красоты, — говорю с умным видом.

— Да, — кивает, — да, это возможно. Мы тут привыкли думать, что все земляне прекрасны, но у вас ведь наверняка есть какая-то внутренняя градация.

А, ну то есть, дело не во мне. Это просто стереотип. Мы, значит, боги и должны быть красивыми, как бы оно там ни было на самом деле. Ладно, с этим разобрались. Отхлебываю еще чаю. Жизнь почти налаживается.

— Ладно, — говорю. — Теперь на тему Алтонгирела. Допустим, я вам поверила насчет табу и прочего... — (Капитан хмурится.) — Ну вы же понимаете, что у меня единственная причина вам верить — это ваше личное обаяние... — (Совсем сник. Блин!) — Которое, безусловно, зашкаливает, поэтому будем считать, что я вам все-таки верю.

Перевожу дух. Может, он просто хорошо владеет искусством эмоционального шантажа? Изображает тут из себя затюканного, чтобы я легче пошла ему навстречу? Но мне это никак не проверить, так что лучше уж буду играть по его правилам.

— Так вот. Запрет там или как, но поверить, что он не попытается меня еще раз «припугнуть», я не могу. Поэтому мне неизмеримо приятнее принять помощь от вас, чем от него.

О-о-о, кажется, я наконец-то сказала то, что надо. Мой капитан просто расцветает на глазах. Ура, могу себе поаплодировать. Ему вообще идет улыбка, насколько это, конечно, можно сказать про человека с такими шрамами. Но он, когда улыбается, становится какой-то свой. Как будто уже сто лет его знаю. Но я ведь не могла его раньше встречать, правда? Такое лицо не забудешь.

— Спасибо за доверие.

Капитан начинает выбираться из кресла, когда я вспоминаю, что у меня есть еще один вопрос.

— А чего вообще от меня хотел Алтонгирел? Похоже было на сцену ревности, но как-то...

— Ревности? — осторожно повторяет Азамат явно незнакомое слово.

Э... Ну по-муданжски я его тоже не знаю... а и знала бы — не подсказала. И потом, если у них слово «любовь» отсутствует, то, наверное, и с ревностью туго. Хотя поведение дорогого духовника свидетельствует об обратном.

— Неважно. Так чего он хотел?

— Он считает, что мне с моим уродством не пристало с вами общаться больше, чем необходимо. А поскольку я его доводам не внял, он взялся за вас.

Ну, допустим, в какой-то части это можно притянуть за уши к тому, о чем они говорили в кухне. Хотя это явно не все. Но мне вообще радоваться надо, что хоть что-то объяснили.

— А у вас... степень приближенности к богам красотой измеряется?

Кажется, не обиделся... так, хорошо, хмыкает, думает...

— Пожалуй, можно и так сказать.

Все-таки ужасные дикари. Но я свой устав приберегу для какого-нибудь более безопасного монастыря. Правда, очень уж хочется Азамата как-нибудь подбодрить. Ему, наверное, тяжело с таким лицом, если у них красота так важна.

— Как интересно, — говорю с напускной живостью. — А у нас оценивают по способностям, по достижениям... Мне вообще все равно, кто как выглядит, лишь бы хороший человек был.

Кривит губы, смотрит в сторону.

— Спасибо на добром слове, — встает. — Через час обед будет. Вы справитесь с детьми?

Киваю; он уходит.

Не поверил. Блин!

Когда я пригоняю своих притихших подопечных на обед, оказывается, что вся команда тоже там. К такому повороту дел я несколько не готова, но успеваю сориентироваться: рассаживаю детей за свободными столами. Их, к счастью, хватает. Дети шушукаются, поглядывают на наемников. Те ведут себя примерно так же, косятся на нас, переговариваются на муданжском. Преимущество у них, впрочем, невелико: среди землян разве что у шести человек всеобщий — единственный родной язык, а остальные — такие же билингвы, как я. Так что мы тоже можем на непонятной муданжцам фене ботать, хоть и не все со всеми.

Поначалу сидим тихо, носы в тарелки, мы в своем углу, наемники — в своем. Нам всем выдано по маленькой пиале с очередным травяным чаем, правда, на сей раз не из могильника. То ли побоялись, что мы заснем, то ли хармалу они пьют исключительно в минуты волнения. Дети от зеленоватого настоя воротят носы. Муданжцы хмурятся.

К счастью, тут входит тот парень, который мне представился... Тирбиш. С огромным чаном пирожков. Смутно вспоминаю, что у них какое-то очень шуршащее название. То ли шурх, то ли фырк... хшур, во! Насколько я знаю, их прожаривают как следует, то есть глистов быть не должно... Ладно, выпендриваться все равно не время, на Земле всех вылечат.

Надо сказать, пирожки удались. Или мы все оголодали с перепугу, но треск за ушами стоит такой, что разговоров за ним уже не слышно. Спросить, что ли, рецепт... А тут еще и бульончик подадут, ну прямо вообще жизнь прекрасна. Правда, несоленый он совсем, ну да это на столе. Муданжцы с интересом наблюдают, как мы передаем друг другу солонку. Я между пирожками обхожу столы и убеждаю мелких не вытаскивать из бульона зелень двумя пальцами, демонстративно, с отвращением на лице — еще не хватало обидеть повара.

Вкусная еда, как это обычно бывает, способствует общению. Краем уха слышу, как мои детки, сидящие близко к наемникам, начинают приставать с вопросами:

— А какое это мясо?

— Кто готовил?

— А это вся команда?

— А зачем такой большой корабль?

Последний вопрос меня и саму интересует, честно говоря. На него, правда, никто не спешит отвечать. Треплется, кстати, в основном все тот же Тирбиш. Видимо, самый общительный в команде.

— Да я готовил, я. Мы только вдвоем и готовим — либо я, либо вот он, — тыкает пальцем в сидящего чуть наискосок от него молодого парня. Это типа юнги у них, что ли?

— А как вас зовут? — спрашивает ангелоподобная девочка с жутким акцентом. То ли немка, то ли из братьев-славян.

— Так вам все и скажи, — смеется Тирбиш.

Дети в легком замешательстве. Тяну за рукав девицу на другом конце стола, шепчу:

— У них не принято представляться кому попало.

К счастью, она соображает передать эту мысль по цепочке, так что младшие дети перестают вытягивать из муданжцев их имена.

Замечаю Алтонгирела по правую руку от Азамата. Сидит нахохлившись, губы выпятил еще сильнее, похож на статую с острова Пасхи. Вообще, я ожидала, что за столом будут

размещаться по старшинству, ан нет. Вон, например, Ахамба сидит третьим с краю, а ведь он старше Алтонгирела, это сразу видно. А с самого краю примостился молодой мужик с огромной родинкой на щеке. По левую руку от Азамата совсем мальчишка с длинным лицом и раскосыми глазами. Длинные крупные кудри по плечам. Странно, я думала, муданжцы кудрявыми не бывают. Впрочем, до моего мелкого беса ему все равно далеко. Однако, похоже, и тут внешность правит бал. Я бы, правда, кое-кого местами поменяла, особенно Алтонгирела, но я же не знаю их эстетических критериев. Азамату во главе стола довольно неуютно. И как он пробился в капитаны? Может, конечно, сначала пробился, а потом уже по роже получил... Ох и не люблю же я эти первобытные общества!

— *Шву* — это птица такая, — тараторит Тирбиш. — Живет в воде, шея дли-и-инная.

— Лебедь! — радостно гадают мелкие.

— А я ж не знаю, правильно или нет, — хохочет наш повар. — Азамат-ахмад, как скажете?

— Правильно. — Азамат одобрительно кивает.

— Вы лебедей едите? — удивленно переспрашивает мальчуган лет десяти.

— А чего ж нет? Они большие, жирные.

— Они красивые! — возмущаются девочки.

— Да уж, куда красивей, — мрачно говорит Ахамба. — Как куснет, враз любоваться забудешь.

Смеются. Не такой он ворчун, как изображает.

Я замечаю, что мой народ постепенно подтягивается поближе к наемникам, за соседними столами становится тесно. Несколько старших подростков перетаскивают лавку так, чтобы сесть сбоку от капитана. Наемники начинают озираться.

— Азамат-ахмад, а зачем вам такой большой корабль? — спрашивает один парнишка, тоже, как я, подхвативший обращение.

Алтонгирел смотрит на него испепеляющим взглядом, но капитан решает не сопротивляться.

— Я его построил дюжину лет назад. Мы тогда большими командами летали. А потом оказалось, что много народа не нужно, но не выбрасывать же хороший корабль! — усмехается.

Интересно, это правда?

— Сами построили? — таращатся дети.

— А что такого? — удивляется Азамат. Или он просто гениальный актер, или действительно способен на коленке свинтить звездолет.

— Но ведь это очень сложно! — продолжает напирать парень.

— Да ну пря-ам сложно, — отвечает вместо Азамата плечистый мужчина, сидящий справа от Алтонгирела ко мне спиной. — Это любой мужик может. Наш капитан, конечно, лучше многих в космическом оборудовании разбирается, но и только.

Теперь вы хотите мне сказать, что любой взрослый муданжец может на коленке свинтить звездолет? Что-то это пурга какая-то. Небось договорились навешать нам лапши на уши, чтобы запугать потенциального противника. Дальше не слушаю, поглощаю еще пирожок. Кто-то из старших девиц уже записывает за Тирбишем рецепт, да не один. Правда, с названиями ингредиентов у них большие проблемы. Кажется, в данный момент путают кизил и барбарис. Похоже, Азамат в знании всеобщего лидирует с большим отрывом.

С того конца стола, который я перестала слушать, раздается взрыв детского хохота.

— Я сказал что-то смешное? — ядовито осведомляется Алтонгирел.

— Тебе еще подтверждение нужно? — благодушно спрашивает кудрявый юнец напротив него.

Ой бли-и-ин, ой сейчас начнется...

Подкрадываюсь к своим старшеньким, выискиваю взглядом соотечественницу.

— Над чем ржете? — спрашиваю на родном.

— Фабиан спросил, какими качествами надо обладать, чтобы стать священником.

— И?..

— А он сказал, что надо быть красивым и любить мужчин! — ржет, покатывается.

— Я уверена, что он имел в виду — «людей», — возмущенно шепчу в ответ. — Они на всеобщем плохо говорят.

— Ну да, но еще ведь и красивым быть обязательно! — выдавливает девчонка сквозь приступы хохота.

— Да, у них это очень важно, так что не вздумайте обсуждать!

Дети понемногу утихают, но Алтонгирел продолжает злобно зыркать.

— Извините, — говорит тот парень, который выяснял про звездолет. — Мы вас не совсем правильно поняли. Ничего смешного, простите, пожалуйста.

Кажется, пронесло. Еще не хватало обвинить Алтонгирела в нетрадиционной ориентации. Они же дикие, у них вон к инвалидам терпимости никакой, куда уж к геям... А если учесть, что наш дорогой духовник ведет себя как ревнивая барышня, то можно ненароком попасть не в бровь, а в глаз... О господи! Я только надеюсь, что Азамат с ним не спит. Я бы этого не пережила.

С обеда все, кроме меня и Алтонгирела, уходят в приподнятом настроении. Алтоша дуется, ворчит под нос и косится на Азамата. Я раз сорок повторяю детям, чтобы собирали вещи, помогаю мелким. При всем моем нежелании находиться даже в относительной близости от духовника постоянно обнаруживаю себя в зоне слышимости его тенора.

— *А я думаю, что они тебя дразнили,* — бухтит он, исподлобья глядя на капитана.

— А я предпочитаю выглядеть идиотом, но не провоцировать ссору.

— Конечно, тебе не привыкать... обиду. А я-то, дурак, пытаюсь тебя защитить!

— Это у тебя все равно не получится.

— Потому что ты не даешь!

— И не дам. На меня работают лучшие ребята, и они меня выбрали не за то, что я нуждаюсь в защите.

— Они тебя выбрали за долю.

— Которая тоже не из воздуха берется.

Как ни стараюсь не слушать, а все равно долетает. Боже мой, Алтонгирел! Лучшей защитой для Азамата было бы, если бы ты перестал ему напоминать, что она ему нужна.

После того как дети укомплектованы и мои собственные две блузки и закладка чистого белья припихнуты все в тот же мешок с лекарствами, решаюсь напоследок навестить капитана, попросить посмотреть почту. Мало ли как на земном корабле с этим будет.

Где его каюта, я уже знаю, вчера там с Алтонгирелом первый раз поссорилась. Все-таки загадочный человек. Столько проблем создает себе и окружающим... но, наверное, он и правда не хотел меня бить. Такие, как он, не бьют. Они тихо каверзничают. Что, конечно, он еще может успеть, гадюка подколотная.

Капитан мне улыбается, хотя Алтоша явно подпортил ему настроение после обеда.

— Извините за беспокойство, — говорю, стараясь излучать приязнь, — можно я еще разок в почту гляну?

— Да, пожалуйста, — разворачивает ко мне бук, который у него, кажется, никогда не закрывается. Пока шарю по Сети да ввожу всякие пароли, исподтишка осматриваю каюту. Она небольшая, свет слегка приглушенный. Планировка такая же, как у меня, только кровать еще больше, и полками вообще все стены увешаны. Там в основном расставлены и навалены разномастные носители информации: диски разного объема, флэшки всех форм и расцветок, винты, карточки, даже баночка с чипами, из тех, что под кожу вшиваются, стоит. А на другой стене — батюшки, книги! Настоящие, бумажные... ну или хотя бы пластиковые, но реальные книги. Правда, вон те три, кажется, все-таки электронные. Но все равно богато!

Мама пишет:

В новостях ничего не видели, а у тебя телефон не отвечает. Смотри там, со всякими мудогошами не связывайся, у них небось гаремы по сорок человек, подцепишь еще чего. Сашка с детьми свалил на дачу, они там наконец-то доделали отопление. Кот линяет, как будто щас июнь.

Звони из порта, как прилетишь, чего-нибудь сготовлю. А то знаю я, как в этом космосе кормят.

С минуту просто сижу и любуюсь на письмо. Как же там хорошо, дома. Зима, дача, кот... А у меня тут сплошная нервотрепка. Надо ей написать, что сегодня... хотя кто его знает, когда мы на Землю-то прилетим. И еще неизвестно, в какую страну. Да и вообще, не взглянуть бы. Мало ли что...

Телефон у меня сдох. Позвоню обязательно. Мудогоши обходят меня стороной:)))
Но тут весело:)

Так и отправляю. Хорошо, что муданжцы наши буквы читать не умеют, можно все на виртуальной клавиатуре набрать, и никого не обидишь.

— Скучаете по дому? — спрашивает капитан, про которого я чуть не забыла.

— Ну да-а, в общем, вроде того...

— Я тоже, — кивает.

Он сидит на краю кровати, прямо под иллюминатором, который, впрочем, завешен электронной картинкой — горы, у подножия какое-то жилье, на переднем плане травень по пояс. Это, видимо, и есть дом. Потому что эстетическая ценность пейзажа весьма сомнительная.

Некоторое время молчим, но я побаиваюсь, что сейчас на меня польется поток воспоминаний ветерана, так что решаю прервать воцарившееся понимание.

— У вас есть книги...

Он прослеживает, куда я смотрю.

— Да, есть. А у вас нету?

— Дома есть.

— У меня дома тоже были, но я там давно не живу, так что приходится тут хранить.

— Это... фикшн? — спрашиваю осторожно.

— Хм? Нет, это наши, муданжские книги. Предания, песни. Земные мне в электронном формате удобнее, быстрее искать незнакомые слова, — улыбается, видимо вспоминая обед.

— Вы очень хорошо говорите на всеобщем. — Ну надо же человеку напоследок комплимент сделать.

— Спасибо. Я люблю узнавать новое. Кстати, было очень интересно поговорить с вами о земной культуре.

— Мне тоже. Х-хотите... Мой адрес у вас в буке случайно сохранился... Пишите, установим культурный контакт.

Смотрит на меня так, как будто я — словарная статья, которую ему надо выучить. Догадывается, что адрес сохранился неслучайно?

— С удовольствием.

Из мемуаров Хотон-хон

Земной союз не обрадовался происшедшему. Мрачный, покрытый шрамами наемник говорил убедительно, тем более что кое-кто из ветеранов Второй джингошской кампании его опознал. Даже из Торговой палаты поступил отзыв, что, дескать, любой предприниматель, торгующий с Гарнетом, слыхал про Байч-Хараха, потому что на его выбор поставщика ориентируются все серьезные наемники. Кто-то что-то слышал и про его участие в Первой джингошской кампании на стороне Земли, хотя в это уж совсем трудно было поверить. Сам великий ветеран Второй ДК маршал Ваткин авторитетно заявил, что пытаться окружить, поймать или как-либо перехитрить Байч-Хараха себе дороже.

Доподлинно неизвестно, что заставляло разных людей, имеющих дело с Азаматом, так легко ему доверять — были ли это его грозная внешность и спокойная манера, безупречная репутация, боевая слава, наградившая его гордым прозвищем Байч-Харах (то есть, в переводе, ванька-встанька)... Вот муданжские Старейшины твердо знали, что таковы были его судьба и воля богов.

В итоге на стыковку с муданжским кораблем был выслан пассажирский шаттл с военным экипажем и приказом не стрелять. Забрать детей. Отдать сертификат на вознаграждение. Никаких глупостей.

* * *

Вслед за детьми выхожу в стыковочный коридор — исключительно неприятное место. Стенки мягкие, шатает. Дверь за мной закрывается, кому охота тепло терять. Даже рукой помахать на прощание не успела. Ладно, нетбуки никто не отменял.

В дверях земного корабля стоит армеец в облегченном скафандре — на случай разгерметизации. Ведет учет нас, щелкает стилусом по экранчику. Я замыкаю, мешок через плечо, в голове пустота. Ну вот и моя очередь.

— Лиза Гринберг, — протягиваю ID.

Вбивает имя.

— Вас нет в списках.

— Я не пассажир, я персонал.

Щелкает еще. Рожа непроницаемая.

— Нет в списках.

Ты чё, тупой?

— Я бортовой медик.

— Бортовой медик Альнурахмед Гулиев.

— Кто?!

Такого не было на борту! Ой, стойте, это же какое-то квебекское светило, вива глобализация. Я про него читала... Они что, его по документам провели, а меня взяли, чтобы платить меньше? Мамочки, что же делать?!

— Гу-лий-эв, — отдельно повторяет армеец. — Никаких Гринбергов. Мы не можем взять вас на борт.

— У вас информация по документам. Я не знала, что они меня не оформили. Но я была там, на борту! Посмотрите портовые логи на посадку.

— Ага, щас я побегу вам логи смотреть. Летите обратно на свой Муданг. У нас четкая инструкция никого лишнего не брать.

У меня начинается тихая истерика.

— Ну свяжитесь с начальством, пускай проверят! У меня брат инженер, Александр Гринберг, корабли ваши строит, мама, Ирма, ландшафтный дизайн делала вокруг штаб-квартиры Земного союза! Да, в конце концов, откуда на Муданге блондинка с голубыми глазами, вы чего вообще?!

Все лицо уже мокрое, даже блузку спереди закапало — слезы, холодный пот...

— Это уж вам, девушка, виднее, на что там муданжцы похожи, а у меня инструкция, и время стыковки ограничено...

— Ну спросите детей, они вам скажут, что я была на борту!!

— Ка-анешно, я еще кошечку вашу спросить забыл. И маму. Давайте, идите обратно, щас уже будем отстыковываться.

И задвигает перед носом дверь.

Невероятное ощущение, когда висишь в открытом космосе в тонкостенной силиконовой трубе между двумя закрытыми дверями звездолетов, которые вот-вот разлетятся.

Кидаюсь обратно к муданжскому кораблю и — совершенно бессмысленно — принимаюсь лупить в дверь кулаками и каблуками. Если уж на этих штуках переборки звуконепроницаемые, то чего ждать от наружной двери.

Невероятно, но факт — она открывается. Я даже не понимаю, кто стоит на пороге, просто вваливаюсь внутрь и вцепляюсь в этого человека мертвой хваткой, изо всех сил пытаюсь хоть как-то дышать сквозь рыдания. От человека хорошо пахнет живым телом, стиральным гелем и *гармаррой*. Еще одна дверь с шипением задвигается у меня за спиной.

— Почему вы вернулись?

— Меня не взяли, — выдавливаю между спазмами в горле. — Не взяли! Чертовы бюрократы! Меня не было в их гребаных списках!

Меня гладит по голове нежная рука.

— Ничего, ничего, мы что-нибудь придумаем. Успокойтесь, все будет хорошо.

Пытаюсь кивнуть, дескать, я понимаю, что не помру прямо на этом месте, но и успокоиться так просто не выходит.

Он аккуратно оттягивает меня за плечо, у моих губ оказывается край посуды, горячий пар *гармарры*. Пью, обжигаюсь, все равно пью, потому что надо успокоиться.

Поднимаю взгляд, вижу в двух шагах слева бледного Тирбиша с кувшином, а сверху,

совсем близко, на меня с участием смотрит Алтонгирел. Вот тут-то я и падаю в обморок.

Просыпаюсь в *своей каюте*. Просто дом родной, ага. Освещение ночное, теплое, вроде как уютно должно быть. Осторожно поворачиваю голову — оба моих красавца сидят у шкафа на полу по-турецки. Алтонгирел дремлет, Азамат читает с экрана бука. Он с ним, похоже, не расстанется.

Издаю какой-то невнятный шелест, и капитан сразу же оборачивается. Увидев, что я проснулась, резво вскакивает, отставляет бук в сторону, подходит ко мне и приземляется на корточки рядом. И почему мне всегда казалось, что люди такого роста обязательно должны быть неповоротливыми?

— Лиза! Как вы себя чувствуете?

— Как Маугли, — ворчу. Но он не понимает, конечно. Ладно, не стоит ему объяснять, что я чувствую себя, как будто меня бросили в лесу на растерзание волкам, а волки возьми да и пригрей. — Жить буду.

Подтягиваюсь, чтобы сесть, поправляю подушку. От шороха просыпается Алтонгирел, он еще мрачнее, чем обычно. Зыркает злобно на Азамата, потом на меня, как на врага народа. Ох, чувствую, дальше будет еще веселее.

— Вы не переживайте, — говорит тем временем Азамат. — Мы сейчас держим курс на Гарнет. Правда, идем несколько окольным путем, но будем там через неделю. Оттуда ходят рейсовые корабли на Землю. Да вы знаете, наверное. Я понимаю, что место не самое приятное, но мы вас проводим и посадим, раз уж так получилось. К счастью, у нас в стыковочном коридоре видеонаблюдение включено было на всякий случай, если вдруг вам помощь понадобится...

Мне становится страшно неловко. Им же, наверное, некомфортно со мной на борту. Мне и с высоким начальством некомфортно, вечно боишься что-нибудь не то сказать или надеть, а тут, понимаешь, богиня... Только вздохнули с облегчением, что я исчезну наконец, но оттуда вернули обратно. Не спали вон, сидели, меня высиживали. Ужас. Теперь еще на Гарнет попрутся ради меня. Очень хочется провалиться на месте.

— Только не думай, что мы из-за одной тебя на Гарнет летим, — приносит мне ворчливое облегчение Алтонгирел, выкарабкиваясь из угла и разминая ноги. — Нам там подзакупиться надо.

Азамат косится на него осуждающе, но я даже нахожу в себе силы улыбнуться.

— Это хорошо, — говорю, — а то мне на самом деле страшно неудобно вас так напрягать.

Алтонгирел фыркает в том смысле, что все мне удобно, и вообще, я это сама подстроила. Пусть думает что хочет, — пока Азамат рядом, я его не боюсь. Ничего, поживу с ними еще недельку. Авось готовить что-нибудь прикольное научусь. И за культуру с капитаном перетрем. Жаль, они в космосе не пьют. Я бы много дала, чтобы посмотреть, как Азамат на хмельную голову рассказывает муданжские предания.

Это, конечно, все забалтывание пустоты. Очень не хочется думать о том, что меня бросили свои, да еще так картинно. И что чужие все это увидели и сжалились. Я и так-то тут на птичьих правах, а теперь получается, что и дома никому не нужна. Ну ничего, вот вернусь, устрою этим воякам... а того, который меня не пустил, просто выгоню спать под забором. Уж что-что, а административные каверзы подстраивать умею. Ради такого даже схожу на

свидание с братовым начальником. Что это вообще за дела такие? Я им что, какая-то девчонка с улицы, что меня можно просто так вот взять и кинуть? Или они думают, что на людей, владеющих секретной информацией, могут просто наплевать? Вот доберусь до капитанского бука, сразу брату напишу обо всем и во всех подробностях. Маме-то не стоит... и хорошо, что я ей не сказала, когда прилечу. Ладно, недельку моя гордость полежит в грязи, не проблема. Зато потом... ух я их всех!

— Вам чего-нибудь принести? — спрашивает Азамат доброжелательно.

Мгновенно краснею, забывая на фиг обо всех своих ратных планах.

— Ой-да-нет-спасибо! Я, наверное, посплю...

Алтонгирел, возвышающийся над плечом капитана, испепеляет меня взглядом. Я никого не заставляла у меня в ногах на коврике спать. И не думаю, что Азамат заставил, вот честно. Обиделся, что ли, что я при виде него в обморок грохнулась? А если бы меня крокодил из зоопарка по голове погладил, то и вообще бы в уме повредила, ничего удивительного.

Азамат смотрит на меня с веселым умилением, как на принесенного с помойки котенка. Видно, кому-то в детстве не разрешали зверька завести, вот он теперь и оттягивается. Зато хотя бы не злится, что я осталась. Может, даже рад. Надо будет подумать, как бы ему еще пару-тройку комплиментов скормить, якобы ненарочно. А пока что — спать.

Принимаюсь закукливаться в плед, и мои варвары просекают, что пора уходить. Капитан задерживается у двери, чтобы укрутить освещение.

Следующий раз просыпаюсь среди бела дня. В иллюминаторе бескрайняя заснеженная степь. Мне требуется некоторое умственное усилие, чтобы осознать, что это просто фотография. Наверное, если подолгу жить в космосе, то звезды за окном начинают напрягать. Но я еще не дошла до кондиции, так что решительно отключаю слайд-шоу и некоторое время созерцаю Вселенную. Мы на самом краю галактики Млечного Пути со стороны Магеллановых облаков. Надеюсь, сквозь них не полетим? А то швырять будет, сквозь облако по прямой-то не полетаешь.

Отлипаю от окна и возвращаюсь в грустную действительность. У меня по-прежнему одна юбка, две блузки и три комплекта белья. И туфли. Хотя из каюты не выходи. Интересно, если я завернусь в простыню а-ля сари, они поверят, что на Земле так принято? В любом случае придется начать день с постирушки.

Помню, как в детстве, когда я впервые куда-то летела, мама очень переживала, как в космосе обстоит дело с мытьем. Она-то сама с Земли в жизни ни на метр не поднималась, даже на самолете не летала, зато обожает всегда предполагать худшее. Вернувшись из первого межпланетного путешествия, я с большой гордостью за отечественного производителя разъяснила ей, что в космосе есть и ванна, и душ. Кое-где даже бани имеются, не говоря уже о саунах с джакузи. Не одни мы комфорт любим.

Единственное, что меня в космосе не устраивает в плане удобства, — это кухни. Их почему-то всегда делают единым блоком во всю стену, все ужасно электронное, и поди разбери, что тут плита, что микроволновка, а что посудомоечная машина. Так что я предпочитаю к ним не приближаться, а тарелки за собой тупо мою в раковине, благо всю сточную воду потом все равно дистиллируют и запускают обратно. Потому, кстати, и под душем можно стоять хоть часами, тем более что дистиллят очень неохотно смывает мыло.

Развешиваю стиранные трусы на сушилке для полотенец. Как же прекрасно, когда есть своя ванная!

Выхожу в столовую с мокрой головой. Еще одно достоинство жизни в космосе — никаких сквозняков. Однако придавила я ничего так — завтрак уже кончился, людей никого, еды тоже не наблюдается. Они тут, похоже, из принципа обязательно съедают все приготовленное подчистую. Видно, придется все-таки общаться с кухней. Есть, конечно, тот уголок столовой, где водогрейка и всякие чаи в шкафчике, но там еду не приготовить, разве что растворимый супчик отыщется.

Ну что ж, если Азамат и впрямь сам этот корабль строил — или хотя бы планировал, — то огромный ему респект. Кухня почти человеческая, ничего похожего на обычную глухую стену из затемненного стекла с сенсорными кнопками. Вот плита с огромной духовкой, отдельно от нее микроволновка. Две раковины, разделочный стол примерно под быка. Еще бы еда была...

Соображаю, что холодильный отсек обычно находится не прямо в кухне, где тепло, а где-нибудь в сторонке. Осматриваюсь — вон какая-то дверь. Сую нос: и правда, внутри рядок холодильных шкафов. Но это же для долгого хранения, а где расходный?

Из раздумий, а заодно и из холодильного отсека меня вырывает удивленный голос Тирбиша:

— Ой, здрасьте!

Оборачиваюсь смущенно. Вроде как с поличным поймали.

— Привет. Я просто искала что-нибудь на завтрак...

— А, вы же не завтракали, — вспоминает он. — Но там вы ничего не найдете готового, все, что есть, тут.

Открывает один из шкафчиков под разделочным столом, там и правда небольшой холодильник. Хорошо спрятали, и не догадаешься.

— Там, правда, мало, — извиняется Тирбиш. — Мы давно закупались, вот на Гарнет прилетим...

В холодильнике и правда негусто. Молоко, масло, какие-то йогурты, какие-то ягоды. Извлекаю два последних наименования, вопросительно смотрю, мол, это можно?

— Тоже любите нирш? — спрашивает Тирбиш, улыбаясь.

Мучительно вспоминаю, что нирш — это муданжская разновидность черники. Вот эти самые красные ягоды размером с черешню — это черника?! Ого-го.

— Наверное, — говорю. — Только у нас она по-другому выглядит. А йогурты можно съесть?

— А я не знаю, что это, — смеется. — Прошлый раз на Гарнете прихватил попробовать, никому не понравилось.

Осматриваю добычу: блок из шести небольших стаканчиков, ваниль, дыня, маракуя, срок годности не истек еще, цветковые маркеры синенькие без намека на фиолетовость, а есть нельзя только когда покраснеют... Чего им не так? Открываю один, нюхаю. Ну йогурт.

— Да вроде все нормально, — говорю.

— Ну если вам нравится, то ешьте. Я просто не понимаю, как можно из молока что-то сладкое делать, — поводит плечами с легким омерзением.

Записать в книжечку о национальной кухне: молочные продукты все несладкие.

— А, — отмахиваюсь, — на Земле из всего сладкое делают, даже из рыбы.

Забавляюсь, наблюдая, как паренек зеленеет лицом.

— Не надо мне таких ужасов рассказывать, — говорит. — Мне шас еще обед готовить.

Хихикаю, намешиваю в йогурт ягод и углубляюсь в завтрак. Ничего черника, самое оно.

— А ты как, специально поваром нанимался? — спрашиваю потихоньку. Раз уж мне тут неделю жить, надо хоть разобраться в инфраструктуре.

— Не совсем. Я такой же член команды, как и другие, а за стряпню просто получаю дополнительно. Так же, как пилоты. В принципе и готовить, и рулить все умеют, но удобнее, чтобы это было чьей-то обязанностью, и за это идет надбавка.

— А-а, — говорю глубокомысленно. — Так, наверное, еще механики есть? Или там снайперы?

— Куда при нашем капитане еще механика, — смеется. — Он к своему кораблю никого не подпустит.

— Он что, правда его сам целиком построил?

— Ну всякие тонкие механизмы ему, конечно, делали на заказ. Но собирал сам. Он хотел одно время свой завод создать, но не нашел подходящего места. Хочется, конечно, на Муданге, но ведь нельзя...

— Почему нельзя?

Тирбиш смотрит на меня с сомнением.

— Знаете, я лучше у капитана за спиной вам рассказывать не буду.

Пожимаю плечами, дескать, я не шпион, мне ваших секретов не надо.

— Да пожалста, — говорю. Но заканчивать разговор на этом неловко. — То есть все остальные одинаково получают, что ли?

— Ну еще Алтонгирел. Он же духовник, и его в этом никто заменить не может, так что, конечно, тоже надбавку получает.

Ну а куда же без него, родимого! Не удивлюсь, если духовник получает больше, чем сам Азамат.

Тирбиш начинает что-то мурлыкать под нос, разминая тесто. Соображаю, что, пожалуй, первый раз вижу парня моложе себя за готовкой. И он сказал — это все умеют? Видимо, на Муданге с полуфабрикатами плохо. Ни один землянин в здравом уме в космосе с тестом возиться не будет, купит готовые пирожки и погреет. Я и на Земле-то, кроме мамы, мало кого знаю, кто готовит, даже по праздникам. Умиротворяющее занятие, но уж очень долгое. А этому вон нравится, похоже.

Он тоже высокий, как все муданжцы, примерно с Алтонгирела, капитану по подбородок. Волосы стрижет чуть ниже ушей. Кстати, вчера за обедом, когда вся команда собралась, я поняла, что длинные волосы носит хорошо если половина наемников, и то старшая. Молодняк щеголяет всякими навороченными хохлами и челками, у некоторых даже перекрашенные пряди есть. Тирбиш, впрочем, не из тех, кто выпендривается. Лицо у него круглое, с крупными чертами и совсем слегка монголоидное. Если не знать, что муданжец, так и не догадаешься.

Он подходит к плите и зажигает огонь. Я аж подскакиваю.

— Ой, газ! — говорю удивленно. В космосе?!

Оборачивается, глаза по семь копеек.

— Что? Где?

— Я говорю, плита газовая! Я думала, электрическая...

— Газовая? Не-эт, — смеется облегченно. — Это не газ. Это... э-э-э... горячий камень. Вот, смотрите.

Достает откуда-то из тумбочки диск, больше всего похожий на конфорку электрической плиты. Темный такой, тяжелый.

— Вы хотите сказать, что это он горит?

— Он не горит, — объясняет Тирбиш. — Только слегка светится синим, когда греется.

Присматриваюсь к плите: и правда, никаких языков пламени, просто ровное свечение, хотя цвет точно как у газа. С ума сойти! Интересно, что это за хрень?

— Его у нас на Муданге добывают, — продолжает Тирбиш. — И все плиты из него делают. Одна такая пластинка примерно год работает, потом менять надо.

— А что будете делать, когда весь пережжете? — спрашиваю с национальным земным пафосом устойчивого природопользователя.

— Отвозим обратно туда, где добыли, пару лет полежит, и опять жечь можно, — пожимает плечами Тирбиш. Дескать, это же очевидно.

Хорошо устроились. Я тоже так хочу, чтобы только за перевозки платить. Небось они там уже столько этих дисков настрогали, что и заново выпиливать не надо, просто свои же старые забираешь, когда понадобятся.

По-хорошему хватит мне мешать повару, надо уже идти отсюда. Но дел-то у меня никаких нет, и даже безделья нет, а от вязания я за неделю и так охренеть успею. На мое счастье тут в кухню заходит давешний кудрявый юнец.

— Тирб... а, здравствуйте, Лиза, — кивает мне. — Я Эцаган.

— Очень приятно, — говорю. Надо же, представился. — Мне надо вам еще раз назваться? Я никак не разберусь в этих правилах с именами.

Оба смеются.

— Не надо, — говорит Тирбиш. — Вы ведь, наверное, не знаете, как правильно, так что это все равно.

Ну ладно...

— Тирбиш, — Эцаган возвращается к тому, за чем пришел. — *Там твои тряпки весь склад завалили. Они тебе нужны?*

— *Не знаю,* — пожимает плечами. — *Хорошие тряпки. Я их вроде свернул аккуратно.*

Это внезапно наводит меня на мысль. Надеюсь, они ничего не заподозрят.

— Слушайте, ребят, — говорю, — а у вас какой-нибудь форменной одежды для заложников не предусмотрено? А то у меня совсем ничего нет, а еще неделю тут жить...

— *Вот правильно,* — хихикает Тирбиш. — *Чем мои тряпки выкидывать, обеспечить лучшие земную госпожу.*

Эцаган окидывает меня взором своих прекрасных глаз.

— На ваш размер вряд ли. Разве что халат какой-нибудь. Пойдемте посмотрим.

Идем смотреть. Склад оказывается небольшим чуланом, заставленным стеллажами с коробками, прямо у входа красуется несколько рулонов ткани — видимо, те самые тряпки. Эцаган утыкается в нижнюю полку и принимается там шуровать, бормоча на муданжском.

— Вот, футболка есть, — говорит с сомнением.

Футболка, да, черная, новая, бирочка не отрезана еще. Спереди во всю грудь лист каннабиса. В эту футболку меня можно дважды завернуть. Ничё, в качестве ночнушки пойдет. Беру.

Он роется дальше, достает строительные штаны на лямках, которые, по-моему, и Азамату велики, да еще и прорезиненные. Смотрит на мою физиономию, ржет.

— Боюсь, что больше ничего нет.

— А может, — кошусь на рулоны, — есть какая-нибудь простыня ненужная... Я бы сшила что-нибудь...

— А, так вы шьете! — резко воодушевляется Эцаган, вскакивая на ноги.

Это большая редкость?

— Ну так... Не то чтобы много, но умею, — говорю осторожно. Еще припадет всему экипажу носки зашивать.

— Тогда не проблема, вон, берите Тирбишевы тряпки, я вам машинку дам, нитки и все на свете.

Ух ты, у них даже машинка есть?

— А Тирбиша спросить не надо?

— А он все равно не знает, что с ними делать. Ему подсунули в нагрузку к постельному белью, а на этом корабле, кроме меня, никто иголку держать не умеет. Я и от вас не ожидал.

— Ну почему же...

Вроде шитье во всех культурах женское дело, нет?

— Красивые женщины часто пренебрегают, — пожимает он плечами.

Зато красивые мужчины, видимо, нет.

Один из рулонов оказывается ковром, остальные — более или менее плотным хлопком. Все ткани довольно светлые, в жизнеутверждающий цветочек. Ничего, маменька на даче еще и не такое носит. Да и не только на даче...

Эцаган великодушно пускает меня к себе в каюту, где обнаруживается немаленькое трюмо, на котором ненавязчиво красуется пакетик с термобигудями. Они тут все голубые, что ли? Ладно, мне с ним не целоваться. Зато про кудри теперь понятно.

Рядом с трюмо большой комод, из которого Эцаган начинает проворно извлекать нитки, иголки, булавки, ножницы и, наконец, портативную швейную машинку весьма приличной фирмы. Меня в свое время на такую жаба задушила.

— Вам лучше всего расположиться в холле, — говорит мне, и я некоторое время соображаю, что он имеет в виду. — Там можно сдвинуть столики. А то в кухне Тирбиш ворчит, если столы не так стоят.

А, так это он про гостиную. Но она же проходная...

— А я там мешать никому не буду?

— А кого туда понесет среди дня?

Как выяснилось, понесло всех. По крайней мере раз каждые десять — пятнадцать минут обязательно кто-нибудь пройдет под благовидным предлогом, чтобы попятиться, как земная женщина кроит. Хорошо хоть я догадалась обмериться у себя в каюте. Зато теперь весь экипаж знаю в лицо. Кто застенчивее — только мимо проскакивает, а кто наглее — останавливается поговорить. Ох и достали...

Положение, как обычно, спасает капитан.

— Не возражаете, если я тут в уголке почитаю? — спрашивает он меня еще из коридора. Бук под мышкой как приклеенный.

— Я всегда рада вашему обществу, — улыбаюсь. Приятно хорошего человека порадовать! Когда Азамат проходит мимо, мне кажется, что в комнате становится ярче, хотя он и одет в темное.

В отличие от прочих моих посетителей капитан действительно просто садится в кресло и углубляется в чтение. Через несколько минут уже я не выдерживаю.

— А можно спросить, что вы все время читаете?

Поднимает голову, смотрит на меня укоризненно. Ну ладно, молчу.

— Лиза, оставьте вы эту вежливость. Конечно, можно спросить!

О боже мой!

— Тогда уж и вы оставьте, — хмыкаю. — Как будто я вас могу не пустить в ваш собственный холл.

— Можете, — уверенно говорит он.

Таращусь на него в ужасе.

— Нет, поверьте, не могу.

Смотрит на меня задумчиво.

— Это так странно, насколько у нас не совпадают представления о социальных ролях друг друга.

Почти роняю машинку. Ка-ак ты сказал?! Нет, ну давайте, теперь окажется, что ты на самом деле всемирно известный антрополог, а это все большой эксперимент по адаптации землянина к инопланетной среде!

— Я что-то неправильно сказал? — спрашивает встревоженно.

— Да нет... просто немножко не ожидала... — Да, не ожидала от дикаря, жрущего с кости сырое мясо, что ему знакомо понятие «социальные роли». Это можно сказать вежливо?

— Ну я решил, раз уж нам еще неделю предстоит тесно общаться, мне стоит почитать про земной этикет, — немного смущается он. — Не хочется вас ненароком обидеть.

— Ы... э... это очень мило с вашей стороны, — выдавливаю из себя. Гос-споди, вот это я понимаю — человек! Не просто вежливый, а книжки специально читает, чтобы знать, как именно быть вежливым! Внезапно совершенно непрошено вспоминается Кирилл, хохочущий над выражением «одноййцевые близнецы». М-да, мы много чего принимаем как данность.

Азамат наблюдает за мной горящими глазами экспериментатора.

— Удивительно, — говорит он наконец. — Удивительно...

* * *

Результатом моих трудов являются штаны на завязочках, две довольно бесформенные толстовки и ковровые тапочки. Дошив, я немедленно удаляюсь в ближайшую пустую каюту (которую капитан мне услужливо открыл) и наконец-то переодеваюсь. О это счастье удобных шмоток и плоской подошвы!!!

Выхожу, улыбка шире ушей.

— Ну что, на пижаму хотя бы похоже? — спрашиваю Азамата, крутясь на месте и стараясь рассмотреть, не пузырится ли где-нибудь что-нибудь.

— Немножко похоже из-за расцветки, — смеется капитан. — Сделайте пояс, и будет в самый раз.

Да, пожалуй, пояс не помешает. Ну да это быстро, с машинкой-то. Вот уже и прострочила.

— Лучше? — верчусь на одной ноге посреди холла.

— Очаровательно, — говорит капитан.

Не понимаю, иронично или нет.

— Пир для глаз, — цедит другой голос со стороны коридора.

Алтонгирел! Блин! Ну вот надо же было, чтобы его принесло именно сейчас, когда я тут перед капитаном выделяюсь. Теперь он меня точно со свету сживет.

— Я пришел спросить, — продолжает духовник, обращаясь прицельно к Азамату, — собираешься ли ты снизойти до нашего общества в кухне?

— А, уже пора. — Азамат быстро закрывает бук и встает. — С удовольствием.

— Никогда бы не подумал, что вид женщины в брюках улучшает твой аппетит, — надменно произносит Алтонгирел и уносится прочь.

Азамат смотрит на меня извиняющимся взглядом и пожимает плечами. Ну да, конечно, ты не знаешь, почему его так колбасит.

— Что-то не так с брюками? — притворяюсь, что поведение Алтонгирела меня нисколько не смущает.

— На Муданге женщины их обычно не носят, разве что зимой или на всяких грязных работах...

А что ж ты раньше-то молчал?!

— Но вы не волнуйтесь, — продолжает. У меня на лице бегущая строка с мыслями, что ли? — Здесь-то все привычные, космос ведь.

Ну да. Один Алтонгирел никак привыкнуть не может. Интересно, у геев есть какой-то мужской вариант ПМС или Алтоша всегда такой?

Впрочем, за обедом не пьются, даже при том, что штаны у меня голубые в лиловый цветочек, а рубашка розовая в желтый. Наверное, в муданжском национальном костюме приветствуются яркие краски и растительные мотивы.

После еды потихоньку увязываюсь за капитаном на предмет воспользоваться его буком (с которым он все-таки расстался на время обеда).

— Ах да, конечно, вам нужно предупредить родных, что вы вернетесь позже, — кивает он, как мне кажется, с иронией. — Я должен был сам сообразить, простите. Давно не общался с незамужними девушками.

Моргаю. Какая связь?..

— Я, э-э, не совсем незамужняя, — говорю. — Я как бы вдова.

Ну, допустим, мы с Кириллом не расписывались, но сути это не меняет. А у этих дикарей небось какие-нибудь предрассудки против внебрачного секса.

— Простите ради всего святого, — принимается тараторить капитан. Ну да, ну да, сейчас будет два вагона сожалений.

— Ничего-ничего, я понимаю, что на мне не написано, — похлопываю его по руке, запоздало соображая, что на него этот жест должен действовать гораздо сильнее, чем на среднего землянина. Ну он хотя бы замолкает. — Я просто не поняла, какая связь между тем, чтобы предупредить родных, и матримониальным статусом?

Получи, фашист, гранату. В смысле, умное слово.

— У нас обычно женщины после замужества перестают поддерживать связь с родителями. — Ничего, сглотнул и переварил, умница мой!

— Ну у нас не так, — пожимаю плечами. — То есть обычно это зависит от того, насколько твои родители приятные люди. Тем более я сейчас с мамой живу, так что она имеет право знать о моих планах.

— Да, наверное, — неловко улыбается.

Ну вот, будет теперь стесняться еще больше. Что мне, стать женщиной без прошлого в

худших традициях мыльных опер? Иногда даже злюсь на Кирилла, что из-за него все вокруг меня вытанцовывают, как будто я раковая больная.

Подходим к каюте, я останавливаюсь в ожидании, что капитан достанет пульт и отопрет.

— Толкайте, у меня замок размагнитился, до Гарнета не починить, — поясняет Азамат.

— А я-то думала, вы гений механики, — хмыкаю, открывая дверь.

— Вы что, с кем-то поспорили, сколько комплиментов в сутки вы успеете мне сделать? — смеется он. — Можно замок и починить, конечно. Можно и с другой двери снять. Но в итоге все равно менять придется, так зачем из-за одной недели тратить день на бессмысленную работу?

— Да ладно, вам виднее, — пожимаю плечами. — И ни с кем я не спорила. Можно подумать, мне нужен специальный стимул, чтобы делать вам комплименты.

Качает головой, прикручивает свет — совсем чуть-чуть. Похоже, не любит яркое освещение. Подозреваю, что и зеркала в ванной не держит. Ох уж эти варвары.

Берет с полки бук, протягивает мне, а сам поворачивается спиной и утыкается в иллюминатор с очередным зимним пейзажем. Видимо, у него на родине сейчас зима. Замечаю, что с постоянным чувством неловкости можно свыкнуться — вот, сижу у капитана за столом, за его же буком, ничего ему делать не даю, но жить мне это уже не мешает.

Мама пишет:

Телефон у меня сдох. Позвоню обязательно.

Вижу в этом логическое противоречие. Ну да тебе виднее, с чего ты там позвонишь.

Мудогоши обходят меня стороной.

Так они там все-таки есть? И как, правда на черных китайцев похожи? Попроси сфотографироваться на память!

Да, чувство реальности у моей родительницы всегда зашкаливало. Впрочем, лучше уж так, чем если бы она волновалась. Отвечаю:

Ну да тебе виднее, с чего ты там позвонишь.

С того же, с чего сфотографирую. Придется подождать, пока новое куплю.

И как, правда на черных китайцев похожи?

Джингоши — на черных, муданжцы — на краснокожих.

Пусть учится различать. Вдруг я как-нибудь Азамата в гости приглашу? Ему, наверное, не понравится, если его с джингошами перепутают.

Так, теперь брат. Ох, сколько же сейчас писать придется...

Строчу и строчу. Вообще, не люблю сенсорные клавиатуры, но тут она очень к месту. Потому что раскладку я наизусть не помню, искала бы сейчас каждую букву по полчаса, а так клавиатура — тот же экран, какие надо клавиши, такие и отрисует. А потом так же тихо поменяется обратно на латиницу. Интересно, наверное, можно и муданжскую раскладку вызвать.

— Решили наконец описать ситуацию в подробностях? — спрашивает капитан.

Ой, я же его динамлю...

— Я брату пишу, чтобы он этого урода нашел, который меня не пустил на корабль. Сейчас закончу, извините.

— Ничего, пишите-пишите. А то меня Алтонгирел ругает, что я круглые сутки за буком сижу, — хмыкает капитан. Он, кажется, нашел себе занятие: включил ночник и ковыряется в каком-то маленьком предмете. Видимо, решил оправдать мои комплименты и что-то

починить.

Отправляю письмо, дожидаясь подтверждения о доставке, закрываю почту.

— Я все, — говорю.

— Ага. Можете еще посидеть, я тут увлекся.

Еще посидеть... ну не буду же я с его бука обновления на вязальном форуме смотреть, правда? Разве что расписание рейсов с Гарнета...

Бук внезапно издает громкий булькающий звук, я аж отшатываюсь.

— Это видеовызов, — через плечо сообщает капитан.

Ах да, теперь узнала. Просто окно вызова появилось с задержкой. Собираюсь встать, чтобы пустить капитана поговорить, как внезапно осознаю, что вызывающий — мой брат. Это же его ник и аватарка...

— Кажется, это мой брат, — говорю в легком ужасе. Я что, спалила Азамата?..

— Да? — Он оглядывается довольно равнодушно. — Ну так отвечайте, я выйду из кадра.

Чемпионат по неадекватному поведению дубль два. Ладно, ответить-то надо, а то Сашка будет волноваться... Жму «Принять».

— Лизка! Что там у тебя за чума? Я только твое письмо открыл, сразу кинулся искать канал. — Сашка, конечно, говорит на родном. Он дома, валяется на кровати. Футболка на нем линялая. На заднем плане пищат дети.

— Э-э, да все ништяк, только эти уроды, которые меня наняли, по документам провели другого чувака, и в итоге меня не было в списках. И меня, конечно, не взяли на борт!

— И где ты сейчас?

— На корабле муданжских наемников, — говорю с нехорошим предчувствием. Ой, сейчас что-то будет.

— Муданжских, — бессмысленно повторяет Сашка.

— Ты, — понижаю голос, — не тверди это слово. Тут один присутствует. Они по-нашему не понимают, конечно...

— А ты с ними... на ихнем, что ли?

— Нет, на всеобщем. Они не знают, что я ихний...

Что-то заставляет меня говорить по возможности неразборчиво. Мало ли, какие у Азамата еще неожиданные познания обнаружатся.

— И... как они с тобой общаются?

— Бережно. Вот, сижу сейчас за капитанским буком.

— Они вообще на людей-то похожи?

— Более чем.

— Дай посмотреть!

Так, ну волноваться он, похоже, не будет. Это хорошо. Зато будет прикалываться. Это плохо...

— Мне как бы не очень удобно. И так человека от дел отрываю, бук отобрала, еще и достопримечательность из него устраивать...

— Ну дай я с ним парой слов перекинусь! Пусть знает, что у тебя есть грозный брат.

— Боюсь, что на его фоне ты грозным не покажешься, — хихикаю.

— Ну Лизка, в самом деле! — Брат начинает сердиться. — Тебя похитили какие-то уроды, а ты даже не даешь мне запомнить в лицо их главаря? А если они тебя не отпустят? Вообще, может, ты там под дулом сидишь!

О господи! Ладно, похоже, придется успокоить этого параноика, пока психушка не

приехала. Нет, я, конечно, понимаю, что с его стороны моя ситуация выглядит жутковато. Она и с моей стороны еще совсем недавно казалась сущим кошмаром. Но теперь-то я понимаю, что все хорошо! Всегда ненавидела, когда родные за меня волнуются.

Оглядываюсь. Азамат сидит в ногах кровати, словно бы в глубокой задумчивости.

— Азамат-ахмад, — зову негромко. Оборачивается. Даже насчет обращения не сепетит. — Вы не можете немножко поговорить с моим братом? А то он волнуется.

— Боюсь, что не понимаю языка, на котором вы общаетесь, — отвечает Азамат своим низким раскатистым голосом.

Сашка на экране выглядит так, будто готовится ко встрече с Кинг-Конгом.

— Он понимает на всеобщем, — хихикаю.

Азамат смотрит на меня с сомнением.

— Может, лучше я кого-нибудь другого позову? А то мой вид заставит его волноваться больше, а не меньше.

Поскольку «кем-нибудь», скорее всего, будет Алтонгирел, я спешу возразить:

— Нет-нет, ему станет намного спокойнее, если он поговорит с капитаном!

Азамат еще секунду раздумывает, потом неохотно встает и подходит к экрану. Ох и достала же я его, наверное. Надо будет потом как-нибудь задобрить, а то совсем стыдно.

Сашка, видимо, уже представил себе киборга со щупальцами, потому что при появлении Азамата на экране вообще никак не меняется в лице.

— Здравствуйте, — говорит. — Меня зовут Александр, я Лизин брат.

Ох, надо же было его предупредить насчет имен!!! Бедный Азамат.

— Здравствуйте, — кивает капитан с непроницаемым выражением лица. — Я Азамат. Чем могу быть полезен?

Сашка несколько теряется. Ну да, а что тут скажешь? Не смей лапать мою сестру, инопланетная собака?

— Я только хотел убедиться, что у Лизы все хорошо, — неловко произносит он.

— Не знаю уж, как вы собрались в этом убеждаться, — хмыкает Азамат, — могу только пообещать доставить ее на Гарнет в целости.

Сашка неуверенно кивает.

— Спасибо.

Азамату, видимо, становится его жалко.

— Мне было чрезвычайно приятно познакомиться с вашей сестрой, — говорит он с улыбкой. — Она очень интересный человек, тем более что я до сих пор довольно мало общался с землянами.

Решил отплатить мне за комплименты? Фиг я покраснею, сама знаю, что я интересный человек. Сашка, впрочем, явно воспрядает духом.

— Да, Лизка — она такая, — лыбится, как идиот. — Я думаю, ей тоже с вами очень интересно, господин капитан. Ну не буду больше задерживать. Лиз, счастливо тебе добраться!

— Пока! — говорю, и он отключается. Осторожно смотрю на Азамата. — Извините... — начинаю, но тот вдруг зажимает уши.

— Хватит! — отрезает. — Хватит с меня ваших земных реверансов! Господин капитан, тоже мне... Он бы еще поклонился.

— Он не издевался, он же не знает... — пытаюсь робко защитить Сашку.

— Чего он не знает?! — Азамат закатывает глаза. Знаю, от кого нахватался.

— Что он красивее вас, — развожу руками.

Смотрит на меня, как на законченную идиотку. Наверное, и правда звучит глупо.

— Не надо мне говорить, что это не очевидно, — раздельно произносит Азамат.

— Не очевидно, что из-за этого он может меньше вас уважать, — формулирую наконец.

Капитан некоторое время переваривает услышанное.

— Глупо уважать того, на кого противно смотреть.

Теперь уже я перевариваю чужую философию.

— Противно смотреть на сволочь, — говорю в итоге. — Или на алкоголика. А вам просто хороший врач вовремя не попался, это с каждым может случиться.

Как я люблю душеспасительные беседы с калеками! В той больнице, где проходила ординатуру, а потом работала, меня к инвалидам близко не подпускали, чтобы на антидепрессанты для них не разориться. Ну и конечно, теперь мне приходится успокаивать пострадавшего с историей унижений, да еще и в экстренной ситуации. Типичное мое везение. А если бы тут была слюнявая собака, ей было бы обязательно спать именно у меня в ногах.

Впрочем, любви к человечеству во мне, может, и мало, но Азамату хочется помочь вполне искренне. Конечно, лучшей помощью ему была бы пластическая операция, но, боюсь, такие повреждения все-таки необратимы, так что лучше даже не заикаться.

Он все сидит и смотрит на меня скептически, как будто я только что выдумала то, что сказала, и ни грамма из этого не может быть правдой. У меня сносит тормоза. На заднем плане в голове звучат какие-то соображения про личное пространство, непредсказуемый исход и прочее не-лезь-не-в-свое-дело, но я ощущаю себя как будто в скафандре, как будто всякие внешние процессы не имеют надо мной силы. Как будто для моего «я» неважно, какова будет реакция на мои действия.

Поднимаю руку и по возможности ласково глажу Азамата по изуродованной щеке. Не знаю, правда, чувствует ли он хоть что-нибудь сквозь все эти рубцы. Он смотрит на меня, как под гипнозом, и я провожу ладонью еще раз, теперь снизу вверх. Кожа шершавая, цепляется. Надо же мазать восстанавливающим кремом, а то так и будет шелушиться. Но он, конечно, не станет. Ох уж эти мужики!

Азамат отстраняется.

— Пожалуй, это доказательно.

Моргаю.

— Что?..

— Я верю, что ваш брат не издевался. Извините. Мне надо зайти к пилотам. Если вам еще нужен компьютер, пользуйтесь.

И выходит.

Господи, руки мне оторвать! Как я теперь с ним еще неделю проживу под одной крышей?..

Сижу у себя в каюте, вяжу как заведенная. Как будто если руки остановятся, дышать перестану. Стук в дверь. Нет, настоящий стук в дверь я бы не услышала, конечно, но тут звонок так настроен. Потрогаешь дверь снаружи — внутри стучит. Вот когда мы с Алтонгирелом ругались у Азамата под дверью, кто-то из нас ее коснулся... славные были времена.

Открываю, не глядя, пусть там хоть сама смерть за мной пришла... и быстро понимаю свою ошибку: за дверью духовник. Стоит, молчит. Каюту мою осматривает.

— Добрый вечер, — говорю хрипловато. Ну чего хотел-то, выкладывай уже!

— Ты не знаешь, где капитан? — спрашивает без выражения.

— Собирался о чем-то поговорить с пилотами, — отвечаю, мучительно вспоминая, что он там сказал, когда от меня драпал. Сильно сомневаюсь, что ему действительно нужно было к пилотам.

— Перед тобой он, значит, отчитывается, — замечает Алтонгирел.

Пожимаю плечами. Лучше сейчас духовника не злить, еще не факт, что Азамат прибежит на мои вопли после нашего душещипательного расставания. Впрочем, Алтонгирел решает, что достаточно на меня налюбовался, и уходит.

Жму на кнопку закрывания двери, а сама все ошутимее дергаюсь. Он явно ожидал увидеть Азамата у меня. Почему? Думает, мы вообще не расстаемся, что ли? Или уже проверил кухню, гостиную, каюту... и прочие места, где капитан может быть, а его там нет? Блин, ну не прячется же он от меня под столом! Вообще, что за бред, здоровенный мужик на собственном корабле... ну не нравится со мной — не общайся. Я тихо посижу до высадки. Нет, надо нагнетать трагедию, а сейчас Алтоша его найдет, еще, не дай бог, выведает, что я его потрогала, а потом примется мне кнопки на стул подкладывать. Или там перец в чай. Супер.

С постепенно ухудшающимся (хотя, казалось бы, куда еще?) настроением продолжаю вязать до ужина, периодически порываюсь куда-нибудь пойти и сознаться в паре преступлений, только непонятно, кому и в каких. Вроде ничего не сделала, а чувство, как будто вот-вот загребут. На ужин, впрочем, я бы не пошла — какая еда, когда внутри все в узлы завязалось, — но постучался Тирбиш и позвал. Если б я еще ему отказала, то побила бы личный рекорд по количеству оскорблений в сутки.

Ну, во всяком случае, Азамат нашелся. Может, Алтонгирел просто воспользовался случаем меня попугать. Сажусь подальше от обоих, поглядываю исподтишка. Азамат выглядит нормально, разве что немного задумчиво. Зачерпнет ложку — и зависает. Зато Алтонгирел присутствует в реальности во всей красе — как глянул на меня разок, я чуть от пиалы край не откусила. Надо будет попросить Тирбиша проводить меня до каюты, а то не видать мне Гарнета.

Он, кстати, рассказывает что-то смешное. Наемники похихатывают. Я мучительно пью какую-то на редкость невкусную зеленую гажу. Просить чаю не решаюсь. Сидящий с краю мужик с родинкой перехватывает инициативу в разговоре:

— Я этой джингошской морде объясняю-объясняю про электричество, уже нарисовал все, расписал... он тыкает пальцем в синусоиду и говорит: провод же прямой, как это может там помещаться?!

Народ грохает, надеюсь, никто не замечает, как меня скрючило. Притворяюсь, что подавилась. Тирбиш поворачивается ко мне, утирает глаза.

— Вы извините, что мы на мударанжском разговариваем, вам скучно, наверное...

— Да ничего, — говорю, покашливая. — Я вон не понимаю и давлюсь, а судя по тому, как вы ржете, вообще живой бы не ушла.

Гогочут.

— А вы сами расскажите что-нибудь веселое с Земли, — просит юноша классического индейского вида.

Напрягаю мозги, пытаюсь вспомнить что-нибудь, что не потребует тонны объяснений.

— Ну вот однажды лежала у нас одна бабулька со сломанной ногой. Медсестра приносит ей обед, а бабулька жалуется, мол, у меня мышь в тумбочке. Ну сестра, понятно, думает, сбрендил старая, вот и мерещится. Сказала врачу. Тот вызвал психиатра на консультацию. Ну это тоже врач такой, который мозги лечит. Он, короче, пришел, с бабулькой побеседовал, потом выходит, сестре отдает карту. Ну это куда записывают, чем болеешь и чем лечить. Сестра открывает, читает: при осмотре больной в тумбочке у кровати выявлена мышь, одна штука, откормленная. Рекомендованное лечение: вызвать дератизаторов...

Потом еще что-то рассказываю. И другие ребята тоже. Хохочем все вместе, я уже не разбираю, кто на каком языке говорит, просто рыдаю, физиономией на столе. Хорошо хоть Тирбиш тарелку у меня забрал. К счастью, кажется, остальные тоже слишком увлечены травлей баек, чтобы замечать, что я понимаю что-то, чего не должна. Господи, ну меня и колбасит. Уже вся слезами истекла, третья салфетка идет. Хохочу, как обкуренная. Видимо, стресс выходит. Голова ватная, руки дрожат. Хорошо, что почти не ела, а то еще сплехело бы...

При помощи Тирбиша и Эцагана доплетаюсь до каюты. Я бы и одним Тирбишем обошлась, но он же стесняется меня трогать! По этому поводу я хохотала еще минуты три, пока он не решил, что меня уже пора уносить.

— Вы извините, ребят, — говорю заплетающимся языком. — Меня что-то жестоко колбасит сегодня.

— Вы просто вчера перенервничали, — успокаивает Эцаган. — Ничего, поспите, и все будет хорошо.

Уложили на кровать, пожелали спокойной ночи и ушли. Я отрубилась мгновенно.

* * *

Просыпаюсь в ночи. Чувствую, что-то не так. Кто-то у меня в комнате. Неуклюжей рукой протираю глаза: ого, Алтонгирел. Что он тут забыл? Стоит, смотрит в иллюминатор, там опять зима. Я же выключала! Может, он включил? Это что, и есть страшная месть?

Оборачивается ко мне, глаза закрыты, губы поджал... нет, погодите... не поджал, а как будто кожа срослась и нет никакого рта... и глаза такие же. Ой, мама! Это что ж за симптом?!

Погоди, подруга, это, наверное, просто розыгрыш. Маска или что-то такое. Напугать меня решил. Идиот. Тянет ко мне руки, я отодвигаюсь. Тянет ближе. Ну все уже, на всю длину вытянул, хватит! Кончики его пальцев лопаются, из них выезжают кости и

продолжают приближаться ко мне, кровь капает на одеяло. Я вскакиваю, отбегаю на другой конец кровати. Бляха-муха, а это он как сделал?!

Стена у меня за спиной внезапно исчезает, еле успеваю отшатнуться. Там открытый космос. Из меня выжимается весь воздух, я не могу дышать. Мимо проплывает искореженное, заиндевевшее тело Кирилла. Я бы закричала, но не могу ведь!

Выскакиваю за дверь, она герметичная. Тут можно подышать. В коридоре тусуется толпа первобытных людей с каменными топорами, при виде меня они начинают облизываться. Самый большой поверх криво обрезанной шкуры носит галстук, концом которого вытирает слюни.

И тут все взрывается, я падаю, но провалиться сквозь пол не могу, потому что меня нет в списках. Зажимаю глаза и уши. Ничего не происходит.

Осторожно открываю один глаз: надо мной на коленях стоит Алтонгирел с каменным ножом. Замахивается. Я снова зажимаюсь, но удара не следует.

Постепенно просыпается сознание. Ради эксперимента открываю глаза еще раз: весь пол усыпан трупами детей, у дальней стены стоит Сашка с пулеметом и безумной улыбкой.

Так. За ужином меня колбасило. Потом я сколько-то спала, а теперь у меня глюки. Похоже на какой-то психодизлептик. Эйфория — отключка — делирий. Галлюцинации визуальные и слуховые. Галлюциноген мог быть в чае, потому и пить было так противно. Повезло, что я сейчас действительно нормально соображаю, хоть и не могу полагаться на то, что вижу. Мне нужно промыть желудок и хорошо бы антидот вколоть, но не факт, что он есть в мешке, да и я не рискну в таком состоянии браться за шприц. Сорбент бы нащупать...

Несмотря на зажатые уши вздрагиваю от чудовищного воя, непроизвольно оборачиваюсь — зря, зато теперь знаю, как выглядит бэнши. Плохо только, что она похожа на маму. Отворачиваюсь.

Так, пока у меня просветление, нужно, чтобы мне помогли найти лекарства. Ни малейшего представления, сколько приняла этой дряни, поэтому не знаю, когда кончатся глюки. Возможно, через несколько часов. А поскольку я была в отвратном настроении, когда принимала, то глюки у меня будут исключительно кошмарные. К тому же могу сама себе случайно навредить. Статистика самоубийств под психодизлептиками... так, не будем о грустном, вот уже и стены порастают ядовитыми грибами, а глюки запросто могут дать соматическую симптоматику... мне нужно срочно кого-то найти.

Я лежу на полу перед своей каютой. По идее за спиной у меня кухня, а спереди гостиная. Знаю, как из гостиной найти каюту Азамата. Где все остальные, без понятия. Ладно, объясняться буду после детоксикации, а пока что аккуратно встали и пошли.

Приходится придерживаться за стену и буквально ползти по ней, потому что сейчас запросто могу развернуться, пойти в другую сторону и не заметить, да и вообще не очень понимаю — вот это уже пол или еще воздух? На стене растет всякая склизкая дрянь, но меня этим не проберешь, знаю, что это глюки. Ну вот, допросилась, теперь из стены торчат лица. Кусаются, гады! Но глюкам главное не верить, а то как бы на осязание не перекинулись.

Навстречу попадаетея Тирбиш, из носа у него висит змея. Протягиваю руку, щупаю его: нет, глюк. Идем дальше. Одна из кают открыта, освещена. Там сидят Дюпониша с Квиггли и обсуждают безопасность. Куски обгорелой плоти болтаются при движениях. Чего теперь-то обсуждать.

Эй, нет. Не хватало только ясность мысли утратить.

Доплетаюсь до гостиной. Во рту безбожно пересохло. На диване лежит Алтонгирел со вспоротым животом, рядом сидит Эцаган и накручивает его кишки на бигуди. Знаю, что глюк, даже проверять не буду.

На ощупь считаю двери — конечно, как только понадобилось отсчитать, я их сразу стала видеть тыщами или совсем ни одной. Ну да ничего, руки не заморочите. Тем более что у капитана дверь не запирается. А вот и она.

* * *

Захожу, зачем-то задвигаю дверь за собой. Смотрю — Азамат вроде как спит, одеяло сбилось, подушку только что не надел на голову. Лица не вижу, но это и к лучшему в нынешнем состоянии. Так, теперь надо проверить, что он не глюк. Подхожу, трогаю его за плечо. Вроде и правда человек лежит. Смещаю руку пониже, на ребра. Ага, дышит. Залезаю на кровать, начинаю его расталкивать.

— Азамат! Помоги! У меня галлюцинации! Мне нужно найти лекарство.

Бормочет что-то невнятно, не просыпается. А может, это я не вижу и не слышу. Внезапно кладет руку мне под мышку, пригибает к кровати, я падаю. Прижимает к себе, накрывает одеялом.

— *Все хорошо*, — говорит почему-то по-муданжски. — *Все хорошо, тебе просто приснилось. Я с тобой. Спи.*

Больше ничего не помню.

Просыпаюсь от того, что жарко. Рядом не иначе печка. Нет, оно дышит. Вот вдох пошел, долгий, глубокий. Слышу, как расправляются легкие. Господи, кто же это такой огромный? Может, мне снится, что я маленькая у мамы под боком сплю? Ладно, кто бы ни был этот большой зверь, я знаю, что он добрый. Он потерпит, если я еще поваляюсь. Только уж очень греет. Оказывается, я отвыкла спать не одна.

Укладываюсь поудобнее, утыкаюсь лицом в теплый бок. Или это не бок... поди разбери. Нет, это, наверное, грудная клетка, потому что сердце слышно. Ого, как стучит. Частовато для такого большого существа. Может, большой зверь сердится, что я не даю ему встать? Ладно, чувствую, пора просыпаться.

Зеваю, потягиваюсь, продираю глаза. Странно, обычно я помню, где засыпала, даже спьяну. А спьяну, похоже, и было, судя по сушняку. И голова немного кружится. Атас.

Слева от меня кто-то лежит. Медленно поворачиваю голову вверх, чтобы посмотреть кто. С того конца на меня квадратными глазами взирает Азамат. А что, собственно... о-о-о-ой, да, вспомина-а-а-аю!

Вовремя соображаю, что подскакивать и шарахаться не стоит — голова закружится, а может и стошнить. Он не оценит.

— Привет, — говорю. Язык ни фи́га не слушается. — Я тебе не очень помешала?

Молча мотает головой, волосы падают на лицо. Он с распущенными спит? И не путаются?

— У тебя чего-нибудь попить нету?

Все так же молча берет с тумбочки позади себя бутылочку минералки. Господи, Азамат, кто скажет, что ты не прекрасен, — рыло начищу!

Пью, сколько могу за один присест. Потом дышу. Голова кружится.

— Можно узнать, как вы тут оказались? — спрашивает он слегка не своим голосом. Или это у меня все еще глюки?

— А ты не помнишь? — говорю.

Кажется, он бледнеет.

— Боюсь, что нет.

— Я отравилась галлюциногенами. Пришла попросить тебя помочь мне найти лекарство, потому что сама видела всякий бред, не смогла бы прочитать этикетку.

— И... почему вы меня не разбудили?

— Мне казалось, что разбудила.

— А я что-то сказал?

— Да. Что все будет хорошо и что мне все приснилось. А потом я отрубилась. Ты правда не помнишь?

— Нет.

Садится, трет лицо руками. Пижама на нем темно-зеленая в обтяжку, рукава длинные, вырез к шее вплотную. Как в этом спать можно — не знаю. Зато какая талия... Под курткой-то не видно. Буду для мамы фотографировать, надо будет с него куртку ободрать. Так, хватит о чуши думать. Мне все еще нужно лечиться, все-таки и рецидив возможен.

— Знаете, это могло случиться, — говорит.

— Что? — не понимаю я.

— Что я говорил во сне. У меня младший брат в детстве страдал кошмарами, приходил ко мне в комнату чуть не каждую ночь. Я привык его успокаивать, не просыпаясь. Видимо, привычка сработала.

Начинаю ржать, хотя мне это сейчас совсем не показано.

— Извини, — хрюкаю. — Мне все еще нехорошо, хотя по крайней мере глюков не ловлю. — Ты не можешь со мной сходить, проследить, чтобы я ничего не перепутала?

Смотрит на часы, на них шесть утра.

— Хорошо, — говорит. Встает, надвигает тапки.

Ступни у него узкие, пальцы длинные. Жутко красивый мужик был до ожога. Да и сейчас в общем-то... А какие волосы — это вообще чума! Распущенные-то они еще вполовину длиннее, жесткие, блестящие. Хорошо, что мне так плохо.

Плетусь за ним босиком. Интересно, почему меня отпустило, когда он меня обнял? То есть если отместить романтическое объяснение как неорганизованное. Может, конечно, просто доза такая была, что вот ровно настолько хватило.

— А как вы отравились? — спрашивает.

Хотела бы я знать.

— Точно не скажу, но у меня с собой психодизлептиков нет, так что я не могла их принять по ошибке. Вообще вчера никаких таблеток не пила. А действуют они почти сразу. Какая я была за ужином, ты, наверное, заметил. Запомни на будущее: это симптом, называется эйфория.

— Вы думаете, за ужином вас кто-то отравил?

— Не хочу никого обвинять...

— Ну да, — поджимает губы. Кажется, подозреваемый у нас один и тот же.

Доходим до моей каюты, дверь настежь, постель вся наизнанку, тапки кверху брюхом валяются, какдохлая рыба. Нетвердыми руками роюсь в мешке. Так, вот что-то похожее на мой антидот. И вроде бы написано все правильно. Сую Азамату прочитать — да, он, родимый. Прекрасно! Еще бы шприцом в баночку попасть... Показываю шприц Азамату.

— Посмотри, сверху пузырьки не плавают?

Смотрит на шприц, хмурится неуверенно. Не видел, что ли, никогда?

— Нет, не плавают... Лиза, что вы собираетесь с этим делать?

— Колоться, что ж еще. Не волнуйся, это обычная процедура, несложная и неопасная.

Так, ну в плечо самой себе неудобно, тем более с моей нынешней координацией. Значит, в бедро. Хорошо, что штаны широкие, можно закатать по самое некуда.

— Дай йодовые салфетки, пожалуйста. Вон та пачка.

Наблюдает с тревогой, как я размазываю яркий стерилизующий раствор.

— Намечаете мишень?

Фыркаю.

— Вообще-то стерилизую, но наметить — тоже полезно. Смотри, если промахнусь, хватай за руки.

Но не промахиваюсь. Больно, блин. Ладно, уже все. Отдаю ему шприц.

— Выкинь, пожалуйста.

Смотрит недоуменно, но слушается. Я откидываюсь на кровать там же, где сидела. Ноги все еще стоят рядом, даже штанину не раскатала. Наверное, это не очень прилично выглядит, но мне все глубоко по фигу. Ох нет, не все, потому что меня мутит. Едва успеваю закрыться в ванной, когда накрывает. Ну что ж, это как раз хорошо. Напиваюсь воды из-под крана, благо

дистиллят, и через минуту меня выворачивает еще раз. Интересно, дверь ванной звуконепроницаемая? Ладно, кажется, отпустило. Выпадаю обратно в комнату, Азамат стоит с совершенно потерянным видом — куда бежать, кого спасать?

— Вам... что-нибудь еще нужно?

Я снова падаю на край кровати и начинаю потихоньку отъезжать. Он наклоняется надо мной, грива его шикарная по обеим сторонам висит. Улыбаюсь — наверное, выгляжу совсем безумно.

— Мне нужно еще поспать. Если нетрудно, принеси воды... сушняк дикий.

— Сейчас принесу, — кивает. Немного колеблется, потом все-таки сгребает меня и без видимых усилий перекладывает на кровать целиком, пледиком накрывает. Подоткни, и я заплачу.

— Передай Алтонгирелу, что он мне примерещился без глаз и рта, — бормочу мстительно. И отрубаясь.

* * *

Просыпаюсь и первым делом выглахтываю полуторалитровую бутылку минералки, которая стоит на тумбочке у кровати. Мысленно произношу тост за здоровье капитана. Снова закрываю глаза и сосредотачиваюсь на ощущениях. Ничего, жить буду. Собственно, помимо некоторой вязкости в голове, никаких ощущений и нет. Так что можно, пожалуй, выползти из койки и пойти взглянуть на мир, потому что спать уже больше не могу.

Я так со вчерашнего вечера и не разделась, как пришла с ужина в некондиции. Пожалуй, пора, да и сполоснуться не помешает после всей этой химии.

После душа напяливаю снова свои штаны, а сверху — высохшую блузку, одну из двух, которые были у меня в багаже. Выгляжу почти парадно, даже кругов под глазами нет. И чувствую в себе силы на свершения — небольшие, правда. Например, дойти до кухни еще чего-нибудь попить.

Добредаю, начинаю шуровать на предмет чая. Водогрейка-то горячая, но это ж еще надо найти, где они прячут тот мешок, и куда мою кружечку убрали, и где опять большие пиалы.

— Вам помочь?

Подпрыгиваю. Кто здесь?!

Оказывается, Эцаган. Сидит в дальнем углу на лавке, слившись с местностью, колени к подбородку, вид мрачный.

— Я чай ищу, — говорю растерянно. Похоже, сорвала человеку сеанс хандры.

— В нижней тумбочке справа от вас, — указывает, потом пристраивает лоб на коленях, прямо-таки буквально замыкаясь в себе.

Ладно, не мое дело... Нахожу свой мешок, завариваю, подумываю, не свалить ли, чтобы человеку на нервы не действовать. Конечно, если ему одиночества хочется, почему бы не пойти в свою каюту? Туда точно никого постороннего не принесет. С другой стороны, время позднее, ужин уже прошел, можно ожидать, что и в столовой никого не будет. Наливаю чай.

— Ой, — слышу из угла. Эцаган вскакивает, выбирается из-за стола, идет ко мне. — Что-то я совсем забылся. Давайте я вам налью и пиалу нормальную дам...

— А эта чем плоха? — размешиваю сахар, уже предвкушая, как сейчас выдую эти пол-литра счастья.

— Ну нехорошо ведь такую большую... невежливо получается.

— А маленькую — вежливо?

— Ну да, она ведь быстро кончается, нужно все время подливать.

Ах да, что-то я такое слышала про чей-то этикет, мол, гостю надо давать маленькую чашку, чтобы все время за ним ухаживать, а большая значит — пей и уходи.

— Так вот почему капитан так хохотал, когда я сказала, что единственное, что меня не устраивает в этой пиале, это отсутствие ручки.

Эцаган фыркает:

— Да уж, я себе представляю. Ну давайте я...

— Не надо. В мелкой посуде остывает мгновенно, а я люблю горячий. А еще я очень не люблю суету за столом. А поскольку сегодня болею, имею право не подстраиваться под ваш этикет. Придется тебе немножко почувствовать себя плохим хозяином, зато я с удовольствием чаю попою.

Ржет. Вообще, эти танцы вокруг чая мне уже изрядно поднадоели. Какая, понимаешь, великая межкультурная проблема!

Сажусь за ближайший стол, осторожно отпиваю. Господи, какой кайф!

Эцаган пристраивается напротив, снова приобретает меланхолический вид. Хорошо, что меня не интересуют юноши на десять лет младше, а то ведь такой романтичный герой-любовник...

— Жизнь — стерва? — спрашиваю осторожно. Сама ненавижу, когда пристают с вопросами, что у меня стряслось.

— Да нет, в общем, так... по мелочи. Алтонгирел с капитаном поругался, а он от этого всегда становится совершенно невыносимым.

Можно подумать, все остальное время он просто пусечка.

— Боюсь, что это из-за меня, — говорю покаянно, хотя на самом деле не боюсь, а надеюсь, что Азамат уже наконец вправил этому козлу мозги.

— Да уж знаю, — хмыкает Эцаган. — Уже весь корабль наслышан — они так орали... Надо же было додуматься — подсыпать вам этой дряни. Можно было догадаться, что на вас не так подействует, как на нас, если вы от гармарры засыпаете.

— А какого эффекта он ожидал? — поднимаю бровь. Это что было, отворотное зелье?

— Ну вообще, эту штуку пьют, когда нужно понять, что за люди тебя окружают. Потому что от нее видишь главные черты окружающих... как бы... ярче. Причем на нас-то она действует сразу, ненадолго и без последствий.

— То есть это он мне пытался обеспечить интенсивное знакомство с коллективом? — хмыкаю, вспоминая свои глюки в гостинной.

— Нет, он просто хотел, чтобы вам стало неприятно находиться рядом с капитаном.

Слегка впечатываю ладонь себе в физиономию и позволяю ей стечь.

— Слушай, ты можешь мне объяснить, почему его так волнует мое общение с Азаматом? Я уже не знаю, что и думать.

Эцаган неопределенно пожимает плечами.

— Они друзья.

— Это теперь так называется? А ведет он себя, как будто они как минимум женаты!

Ой, зря это сказала... конечно, я больная, мне можно, но что-то мой собеседник нехорошо переменялся в лице.

— То есть... я ничего не хочу сказать... — начинаю мямлить.

— Алтонгирел мне не изменяет, тем более что Азамат гетеросексуал! — возмущенно выпаливает Эцаган.

Если вычеркнуть все непечатные выражения, которые я подумала в свой собственный адрес, получится, что я только икнула.

— Прости, — говорю, — не хотела тебя обидеть.

Снова икаю и утыкаюсь в чай. Эцаган вздыхает.

— Ладно, я понимаю, что после того, как он вас отравил, можно о нем что угодно подумать. Но с Азаматом они действительно просто друзья, почти братья. Алтонгирел — ровесник младшего брата капитана, они в детстве играли вместе. Тем более что у Алтонгирела родители рано умерли, так Азамат его читать учил!

— Хорошо-хорошо, я верю! — тараторю. — Я вообще тут ни про кого ничего не знаю и понять не могу, чего он ко мне прицепился... Это просто так выглядит...

Эцаган фыркает, мотает головой. Кажется, простил.

— Да уж, могу себе представить. Но он просто боится, что капитану будет... трудно с вами расстаться.

— Да, это, конечно, причина, чтобы меня бить и травить, — делаю длинное лицо.

— Есть вещи, которые очень трудно объяснить, — вздыхает Эцаган. — Алтонгирел, конечно, не всегда разумно поступает. Но он хороший человек.

Некоторое время сидим молча, я вожу пальцем по краю пиалы, но она не звенит.

— А сколько лет Азамату? — спрашиваю для шума.

— Тридцать девять, а что?

— Ничего, так просто, интересно. По нему трудно сказать.

Собственно, он, пожалуй, выглядит постарше, ну так и жизнь у него была не сахар.

— Да уж, — кивает Эцаган. — Я вообще поражаюсь, как вы его терпите. Меня Алтонгирел три месяца уговаривал вступить в команду после того, как я капитана впервые увидел. Вы чего?

Видимо, у меня на лице что-то изобразилось помимо воли.

— Да так, знаешь, — поджимаю губы. — Он как бы не виноват, что с ним такое случилось.

— Какая разница, виноват или нет? Он просто урод, и смотреть на него противно, вот и все.

— А тебе не кажется, что так говорить несколько невежливо?..

— Но я же не хочу его обидеть! — удивляется Эцаган. — Это просто факт. Вот у вас глаза синие — это ведь вас не обижает?

— То, что у меня глаза синие, это объективная реальность. А то, что ты про Азамата говоришь, это твое отношение.

— Почему только мое? Спросите кого угодно, все скажут, что он урод. Да и вообще, вы сами не видите, что ли?

Вздыхаю.

— А как ему вообще удалось собрать команду и стать капитаном, если все его считают уродом? Я ведь так понимаю, у вас это очень важный параметр.

Эцаган усмехается, встряхивает головой.

— Да у нас такая команда, нам все нипочем. Кроме меня, Тирбиша и пилотов тут все воины высшего разряда. Взять хотя бы Ирнчина — он дюжину кораблей сменил, прежде чем сюда попасть. А что, говорит, делать, если капитан идиот и в безопасности ничего не

понимает? Азамат хоть страшный, но с ним спокойно как-то, можешь быть уверенным, что он все предусмотрит. И проблемы решает полюбовно. А то я вот к одному капитану пришел наниматься, а он мне: постригись. Ну ага, побежал! Азамат-то ничего такого не требует. — Эцаган демонстративно намотал локон на палец. Потом вдруг глаза у него загорелись. — А знаете, как он круто дерется? И нас учит, чтоб не раскисали в четырех стенах. Некоторые ради этого тут работают. У других свои проблемы, вон Орвой, тоже пугало, его особенно и не берут никуда, а если подумать — снайпер-то он каких поискать. Тирбишу нравится, что Азамат не нарушает законов принципиально. Тирбиш, он такой положительный парень, а наемничает, чтобы семью поддерживать, тут платят лучше, чем на планете. Короче, как капитану Азамату просто цены нет, жалко, конечно, что он выглядит так отвратно, но уж что тут сделаешь... судьба.

— То есть ты в принципе допускаешь, что человек может быть хорошим профессионалом и заслуживать уважения с любой внешностью? — уточняю я.

— Профессионалом — конечно, — соглашается Эцаган. — Особенно в космосе. На планете-то считается, если урод, значит, у богов не в чести, но тут богов нет, так что это не так важно. А вот насчет уважения... — Он мнется, подбирая слова. — Одно дело уважать его приказы, когда работаешь. Все-таки это его корабль и он платит, и вообще, во время операции слушаться капитана — это тебя потом ни в одну команду не возьмут. Но чтобы я еще следил, как о нем говорю со знакомыми... это уже ни в какие ворота. Как его можно уважать, если на него смотреть противно? Он же такой страшный, что на человека мало похож, с тем же успехом можно уважать... не знаю, компьютер! — Эцаган хмурится и смотрит на меня немного высокомерно, как будто предлагает попробовать ему возразить.

Пожалуй, пора это все прекращать, пока я не озверела окончательно от такой морали. Миссионер из меня никакой. И полемизировать я не умею. Боюсь, что, если уж сам Азамат не смог их убедить, что достоин уважения, я уж точно не справлюсь. Грустно это все.

— Что-то у нас с тобой сегодня беседа не выходит, — вздыхаю. — Только настроение друг другу портим.

— Спать надо идти потому что, — говорит, вставая. — Поздно уже.

Я-то сейчас точно не засну, но решаю вернуться в каюту. Вроде сушняк отпустил. Сажусь на кровать, провязываю два ряда — и просыпаюсь утром.

Просыпаюсь, заметьте, голодная на совесть. Придется немедленно идти встречаться с обществом, где там Тирбишевы йогурты?..

Едва выхожу из каюты, слышу скандал где-то около гостиной. Кажется, участников больше чем двое. Не мое дело, конечно... но все равно плетусь туда, посмотреть, что стряслось. У меня с утра инстинкт самосохранения плохо работает, да.

Глазам предстает эпическая картина. Вся команда с тоскливым видом жмется по углам холла, в центре стоят Азамат и Гонд. Первого я вижу только со спины, а вот Гонд сизобледный и слегка трясется. И руку левую держит, как будто сломана.

— ...сказать мне! — гремит Азамат. — *Правила написаны, чтобы их выполнять!*

Гонд что-то невнятное мямлит в ответ. Рядом на диване, сгорбившись, сидит Алтонгирел с видом покойника, смотрит в одну точку. Ох, что-то мне стремно...

Оглядываюсь, замечаю в сторонке понурого Тирбиша. Тихонько прокрадываюсь к нему.

— Что случилось? — шепчу.

Он вздрагивает, но никто не оборачивается.

— Ночью Гонд был на вахте, засек джингошский корабль. И они вместе с Эцаганом выдвинулись его штурмовать.

Мямленье Гонда наконец обретает смысл:

— Я шел к вам, встретил его в коридоре, он сказал выгонять шаттл... я не мог не выполнить команду.

— Ты был обязан сказать мне!!

— Ну вот, — продолжает Тирбиш. — Корабль-то они взяли...

И замолкает как-то подозрительно. Судя по тому, что Азамат выволакивает Гонда, а Эцагана в комнате нет... о господи!

— Он что, убит?!

— Ранен, — говорит Тирбиш так, как будто это еще хуже.

— Где он?

— У себя в каюте.

— Пошли.

Решительно тяну его за рукав. Могли бы меня и разбудить, идиоты! Но Эцаган тоже хорош, что за пубертатные выходки? Мало им было, что они на нашем корабле двоих потеряли. Надо теперь, чтобы я еще себя виноватой почувствовала, что он в дурном настроении вчера был?! Обойдется!

Дверь в каюту Эцагана приоткрыта, Тирбиш остается снаружи, а я захожу и обомлеваю. Бедолага лежит на кровати, по всей видимости, без сознания, все лицо залито кровью, поперек лба широкая борозда.

О боже! Еще бы Азамат не бушевал. Разворачиваюсь на каблуках и мчусь к себе в каюту за мешком, едва не сшибая ошарашенного Тирбиша.

Возвращаюсь так же бегом, распахиваю дверь. Тирбиш все еще стоит рядом.

— Заходи, будешь ассистировать!

— Но... я...

— Внутрь!

Заходит, я вытряхиваю все из мешка на стол, выхватываю необходимое.

— На, возьми, намочи, протри ему лицо, чтобы видно было, где повреждено. Ну!

Со второго пинка Тирбиш стартует в ванную. Вот самое время нашел для своих предрассудков. Оглядываю Эцагана в прочих местах и обнаруживаю несколько ранений в живот. Кровать уже вся кровью пропиталась, еще бы он был в сознании! Пульс, однако, вполне приличный. Обдираю с пациента лишнюю одежду и сомнительные бинты, кидаюсь осматривать внутренние повреждения.

Еще в прошлом веке один китайский гений сварганил портативный сканер. Они любят все комбинировать... Так вот, этот прибор шестью разными способами снимает изображение с человеческого нутра. При большом желании и хорошей настройке им можно даже сквозь стены смотреть. А так — палочка с катучим шариком на конце да экранчик. Как они без этой штуки раньше жили, не представляю.

Так, задеты в основном кишки и соединительные ткани. К счастью, большая часть ранений нанесена лазером, а он заваривает рану, так что почти нет опасности заражения. К сожалению, открытые раны тоже есть, придется промывать. Тирбиш неуклюже приступает к выполнению команды. Где мои спазмолитики-анальгетики?..

Как же я рада, что взяла все это с собой! И мою любимую машинку для заваривания швов. Ее изобрели уже на моей памяти. Если на ткань в месте разреза нагрузка небольшая, то можно как бы склеить края вместе, и всего через пару дней будет как раньше. Никаких тебе швов, вообще никаких следов. Кому-то тут сильно повезло, что у меня есть эта машинка.

Тирбиш на мои манипуляции не смотрит, отвернулся.

— Я вам еще нужен? — блеет.

— С химическими весами обращаться умеешь? — спрашиваю, заклеивая Эцагану физиономию. Машинка машинкой, а контакт с внешней средой лучше пока минимизировать.

— Да, конечно.

Как удобно жить, когда все вокруг технически подкованные! Правда, если бы у меня была искусственная кровь, было бы еще удобнее. Или хотя бы готовый физраствор... Хорошо хоть, нас в колледже натаскали обходиться бытовыми средствами вместо фирменных смесей и прочих достижений цивилизации. Понимают, что в космосе может и не быть под рукой модных медицинских новинок.

— Вот тебе чистый натрий-хлор, — протягиваю Тирбишу баночку. — Разведи ноль девять в дистилляте и подогрей половину до тридцати семи градусов. Справишься?

— Да, а сколько литров?

— Давай пока парочку... на всякий. И — ты понимаешь, что такое «стерильно»?

Он кивает, хватает соль и весы и счастливо уносится прочь от «изуродованного» Эцагана... Тоже мне, блин, наемники! Девки нервные! Азамат, правда, Гонду что-то там вкручивал про «без шлема». То есть наверное, обычно они какой-то доспех надевают, когда драка предстоит. В таком случае Эцаган у нас дважды герой. Очнется — отшлепаю.

Через пару минут возвращается Тирбиш с двумя флягами физраствора. С интересом наблюдает, как я втыкаю иглу. Похоже, тоже никогда шприца не видел. Хорошо хоть под руки не лезет.

С внутренними травмами куча возни: сначала все промыть нежно, тепленьким растворчиком, кишки все просмотреть детально, а это несколько метров, отсосать всю дрянь, зашить, а где приварено лазером — расклеить... Упариваюсь конкретно, хорошо хоть сканер подсвечивает повреждения. Ну вот, наконец с этим покончено. Ставлю отсос, ввожу

антибиотики.

Теперь что у него там с лицом?

С лицом все не так плохо, ранка-то, собственно, одна, и та легко закрывается после дезинфекции. Нет, мой завариватель швов — великая вещь. Жаль, ее не было у того, кто зашивал Азамата...

Ну вот, пациент стабилизирован. Пульс почти нормальный, зрачки на свет реагируют. Скоро должен очнуться. Надеваю ему на запястье пульсометр — запищит, если что.

— Все? — осторожно спрашивает Тирбиш.

— Ну да, — вздыхаю удовлетворенно. — Теперь ждем, когда очнется и что расскажет. Пока больше симптомов нет.

Тирбиш кивает, как будто понял. Впрочем, скорее он реагирует на мой спокойный тон. Мы слегка прибираемся, он выливает отходы производства, я собираю свои причиндалы обратно в мешок от греха подальше. Вид обрезков кишок у Тирбиша отвращения не вызывает, видимо, царапина на лице гораздо противнее.

Я уже открываю рот, чтобы попросить его посидеть тут, присмотреть за больным, когда дверь вдруг распаивается и входят Азамат с Алтонгирелом. Азамат такой мрачный, аж лицо потемнело, не знаю, как это возможно. Алтонгирел, наоборот, серовато-бледный, глаза пустые, и как будто даже отощал, хотя всего-то прошло несколько часов.

— Что ты тут делаешь? — спрашивает он меня, хотя и без выраженной вопросительной интонации. Видно, мозги совсем отключились, надо же как переживает.

— Я, — говорю, — врач. Я тут лечу. Вам надо было меня сразу разбудить, когда он вернулся.

Алтонгирел никак на мои слова не реагирует, бредет к кровати, садится на край, почти в лужу крови, и остается неподвижно сидеть. Надо будет кого-нибудь запрятать поменять белье. Алтонгирел сейчас вряд ли способен на конструктивную деятельность. Не знаю, правда, из-за чего он больше страдает: из-за того, что его парень ранен и в опасности, или из-за того, что у него лицо повреждено. Ладно, по умолчанию выберу первый вариант, не буду сволочью.

Азамат, кажется, осознает, что в моих словах есть доля истины.

— Мы привыкли, — говорит, — обходиться своими силами. Но я рад, что вы решили помочь. У вас есть... какие-то прогнозы?

— Да, — энергично киваю. — Волноваться не о чем. Он стабилен, скоро должен очнуться. Если кроме тех повреждений, которые мне удалось обнаружить, никаких других нет, то он полностью выздоровеет.

Азамат кивает с некоторым облегчением, хотя, по-моему, он мне не верит. Ну если у них женщины в принципе не могут быть врачами, то не удивительно, что он мне не доверяет. Ладно, погоди, сам увидишь.

Алтонгирел меня, похоже, вообще не слышит. Подхожу к нему, щелкаю пальцами перед лицом. Конечно, я все понимаю, у человека горе, но я ему еще свое подпорченное здоровье не простила. Он слегка фокусирует взгляд.

— Если очнется, позови меня. Я буду в кухне. И если вот эта штука у него на руке запищит, тоже позови. Причем очень быстро. Это понятно?

Он открывает рот, потом передумывает и кивает. И снова отключается от внешнего мира. Поворачиваюсь к Азамату:

— Думаешь, он меня услышал?

— Да, — говорит Азамат уверенно. — Он все сделает. Пойдемте.

Обнаруживаю, что Тирбиш под шумок уже смылся. Не знаю уж, чем так ужасен кусочек пластыря на лбу, но зато, когда я наконец-то дохожу до кухни, там уже пахнет едой. Правильно, мальчик, мыслишь. Как говорится, если врач сыт, то и пациенту лучше.

— Где Гонд? — спрашиваю у Азамата. Он снова мрачнеет:

— Пока что заперт у себя.

— Мне надо будет его осмотреть.

— Что? — Капитан аж сощурился, как будто откусил что-то кислое.

— У него рука сломана, — говорю.

— Он сам виноват.

— Эцаган тоже сам виноват. Ему теперь за это умереть?

Азамат тяжело вздыхает.

— Ваше внимание плохо сочетается с наказанием.

— Наказывать будешь потом, когда я удостоверюсь, что он вне опасности.

— Ладно, — кивает. — Вы правы.

Тут Тирбиш подносит мне какие-то жареные пельмени, и я временно утрачиваю способность говорить. Азамат сидит напротив и смотрит, как я ем. Меня это даже не раздражает, не то что не смущает. Кстати, вот ведь интересно, мне кажется, что я называю его на «ты», а он меня — на «вы», хотя во всеобщем нету разницы. Это после того, как я с ним в обнимку поспала. Интересно, что должно случиться, чтобы и он на неформальный тон перешел.

Видимо, забыв о моем присутствии, Азамат трет лицо с той стороны, где ожоги. Ну да, я понимаю, что ты думаешь. Однако обещать ему, что у Эцагана не будет никаких последствий на лице, я не могу, даже если уверена, что их не будет. Потому что если будут, то получится намного хуже, лучше уж сейчас понервничать.

— Он всегда переживает, если я с Алтонгирелом ссорюсь, — говорит капитан.

Прекра-а-асно, давай теперь ты еще себя во всем обвинишь.

К счастью, он не продолжает развивать мысль, хотя на лице все написано светящимися буквами. В перерыве между двумя пельменями откладываю ложку и беру Азамата за руку, безвольно лежащую на столе. Обхватить не могу, так, сбоку прихватываю, как прищепка.

— Все будет хорошо, — говорю. Это, конечно, ответственное заявление, но я тоже не железная.

Азамат пускает меня к Гонду и сам заходит следом. Бедный парень, похоже, решает, что сейчас его казнят.

— Не волнуйся, — улыбаюсь ему, — Эцагану тоже достанется. От меня лично.

В ответ слышу только нервное сглатывание.

Перелом у него закрытый, с небольшим смещением. Мелких осколков нет. В принципе ничего страшного, он даже не вскрикивает, когда вправляю. Может, конечно, решил перед капитаном продемонстрировать стоицизм, не знаю. Накладываю шину с применением куска какой-то аппаратуры, специально для этой цели найденного на складе. Азамат смотрит как замороженный. И где они были все эти века...

Напоследок капитан окидывает Гонда грозным взглядом, и мы выходим. Идем куда-то... точнее, это Азамат идет, а я за ним следом, не знаю зачем. Привычка уже, наверное. В неизвестном мне отсеке корабля навстречу попадает один из старших в команде, тот, что

сидит за столом справа от Алтонгирела.

— *Как будем...* — начинает на мударжском, потом, покосившись на меня, переходит на всеобщий: — Как будем хоронить?..

— Кого?! — рывкаю я, не давая Азамату и слова сказать.

— Эцагана... — растерянно отвечает мужик.

— Когда он лет через семьдесят умрет от рака прямой кишки в своей постели, это будет не ваша проблема, — говорю с некоторым нетерпением. Нет, ну можно не верить, что я хороший врач, но не до такой же степени!

Собеседник переводит озадаченный взгляд на капитана.

— Не суетись, Хранцицик, — произносит капитан, и я совершенно неприлично хохочу прежде, чем успеваю скомандовать себе сдержаться. Азамат что-то там продолжает говорить про то, что моего пациента рановато хоронить.

— Но я же сам его бинтовал, там нет шансов... — бормочет человек с чудо-именем.

Это заставляет меня резко посерьезнеть.

— А, так это был ты? А промыть раны или хотя бы кровь остановить тебе в голову не пришло? — напускаюсь на него. Я, может, тут и в гостях, маленькая и беззащитная, но, когда речь идет о моем пациенте... голову откушу только так.

— Естественно, я промыл! — возмущается он.

— Ага, с расстояния в два метра! У него все лицо в крови было, когда я зашла!

— Ну так заново натекло! Что вы думаете, кровь ждать будет?

— Я думаю, что можно было зашить!

— На лице?!

— А что?!

— На лице нельзя зашивать! Тут уж как срастется, у каждого своя судьба.

Очень хочется побиться головой о стенку. А лучше побить кое-кого. Больно.

— А на животе что? Тоже нельзя?

— Так раны сквозные, я же не могу внутри зашить! Ну и какой смысл...

Держите меня семеро. Иначе точно стукну.

— Значит, так, — говорю, — я зашила все. Это раз. Эцаган выживет, это два. А три — ты, хрен-цуцик, уйди с глаз моих, пока я тебе что-нибудь не пришила!

Шарахается, как от огня, в панике зыркает на капитана и, видимо получив разрешение, исчезает куда-то в боковой коридор.

— Это, что ли, бортовой врач? — рычу. Нет, ну правда, ребенок из экошколы лучше бы справился!

— Нет, у нас на борту нет целителя, — говорит Азамат, тихо стерпевший мои вопли. — Их и на Муданге-то не хватает.

— Что, мударжцы патологически неспособны врачевать? Почему нельзя обучить столько, сколько нужно? Где рыночная экономика, в конце концов?! — Что-то я разбушевалась.

— Это очень долго, — пожимает плечами Азамат. — И трудная работа. Из тех, кто может получить образование, мало кто хочет всю жизнь смотреть на чужие уродства.

Хватаюсь за голову, еле сдерживаясь, чтобы не завывать в голос. Вот уж правда уроды!!!

— А что, — спокойно продолжает Азамат, — вы действительно смогли все зашить?

— Естественно, — вздыхаю. Придется, видимо, смириться с их варварскими представлениями. — Там проблема не столько зашить, сколько промыть как следует и найти

все повреждения.

Мы куда-то двигаемся, опять не знаю куда.

— Я уже заметил, — говорит Азамат, — что ваши целительские методы сильно отличаются от наших. Видимо, у вас они гораздо лучше развиты...

— Да уж, не без этого, — кривлюсь. — Я вот не понимаю, как вы умудрились пройти мимо всей нашей медицины. Если даже обычного шприца не видели... они ведь на Земле появились раньше звездолетов!

— Так у нас с Землей до самого недавнего времени не было никаких контактов... — разводит капитан руками.

— Ну вы же все равно когда-то переселились с Земли на свой Муданг. Это ведь не могло произойти раньше наших первых полетов в космос!

— А вы думаете, мы когда-то жили на Земле? — удивляется капитан.

Я встаю как вкопанная.

— До сих пор, — говорю неверным голосом, — наукой не зафиксировано существование разумных рас, не происходящих с Земли.

— Вот как... — говорит он и глубоко задумывается. Мы снова двигаемся в путь и успеваем дойти до угла, прежде чем Азамат продолжает: — Что ж, вам виднее, мы-то помним свою историю всего на несколько столетий назад. Однако до сих пор я был уверен, что мы осели на Муданге примерно в двенадцатом веке по земному летоисчислению. Как понимаю, ваши корабли появились существенно позже.

— Да уж, — говорю. — У нас в то время еще и Америку не открыли...

И встаю как вкопанная во второй раз.

— Америку, — повторяю тупо.

— Это... какой-то регион на Земле? — хмурится капитан. — А что с ним такое?

— Просто... э-э-э... самые похожие на вас люди жили как раз там. Но мы, в смысле европейцы... — много ему это скажет, ага, — в смысле те, кто наукой занимался, впервые с ними встретились в пятнадцатом веке, и то в конце.

— А теперь не живут?

— Все перемешались, — пожимаю плечами. Обойдется без кровавых подробностей, мне пока жизнь дорога.

— Так... вы что, думаете, наши предки научились строить звездолеты задолго до ваших, а вы об этом ничего не знаете?

— Ну про них мало что известно, но ходит много всяких невероятных легенд. То есть я бы сказала, что если кто и мог такое отчудить, то это были они. Вы вон до сих пор в одиночку собрать звездолет из подручных средств можете.

— Вы преувеличиваете, — улыбается. — У нас просто высоко ценится способность к ручному труду.

— Вот-вот, — говорю. Что-то больно красиво выходит. Только вот язык у них уж больно на монгольский похож. Конечно, какой там язык был у тех индейцев, я не знаю, но...

— А чем вам так не понравилось имя Хранцицика? — Азамат параллельно переключается на лингвистику.

Я снова ржу, просто не могу остановиться.

— Очень, — говорю, — смешно звучит на моем языке.

Азамат качает головой.

— Это значит «дождевой цветок», он в дождь родился.

Ну да, я даже понимаю. Можно подумать, от этого легче.

— Признаться, до знакомства с вами не знал, — продолжает Азамат, рассматривая меня, — что на Земле есть другие языки, кроме всеобщего.

— Ха! — фыркаю. — Три тыщи не хочешь?

— Сколько?!

О-о, я вывела его из душевного равновесия! Как мне нравится, когда он так таращится!

— А как вы друг друга понимаете? — продолжает изумляться мой друг с моноэтнической планеты.

— Вот для того и всеобщий, — смеюсь. — Его не для космоса вводили, а для Земли.

— С ума сойти, — качает головой.

Ну вот, хотя бы я его развлекла немного, лицом просветлел. Что-то в нем есть неуловимо родное. Во внешности и даже в запахе. Как будто детские воспоминания какие-то просыпаются. Впрочем, в свете моих последних измышлений насчет индейцев в космосе в двенадцатом веке это уже как-то жутковато.

* * *

То место, куда мы в итоге приходим, оказывается капитанским мостиком. Он мало чем отличается от прочих, которые мне приходилось видеть: по кругу экраны-иллюминаторы, под ними сенсорные панели управления, по сути тоже экраны. Компьютер он и на Муданге компьютер. На мостике двое парней в тапочках и потрепанных свитерах, кивают нам с капитаном, не отрываясь от экрана.

— Лиза, боюсь, что нам придется отложить разговор, — кается капитан, приземляясь в оставшееся свободное выдвижное кресло. — Мне надо немного порулить.

— А пилоты на что? — моргаю озадаченно. Разговора-то мне не жалко...

— Они ребята молодые, не очень опытные, а мы сейчас полетим через облако, и я предпочитаю вести корабль сам.

Ребята дружно пропускают все это мимо ушей.

— Я думала, для лавирования в облаке есть специальный софт, — говорю с опаской. Как-то очень не хочется в таком деле полагаться на человеческие способности, пусть наш капитан хоть трижды гений космоса.

— Ну софт — это инструмент, — наставительно говорит Азамат. — Им еще надо уметь пользоваться. Он, конечно, облегчает работу, поскольку гарантирует, что ни с чем не столкнемся. Но если полагаться на одни только программы, то уж очень трясет.

Это да. И швыряет резко. А ты, что ли, лучше можешь?

— Тут нужно плавненько, — продолжает капитан, видимо оседлав любимого конька. — И с умом, не шарахаться от всего на свете. Тем более что мы сейчас с прицепом, пленный корабль тащим. Заодно ребята мои поучатся в таких условиях рулить.

О, да тут намечается мастер-класс старшего павиана. Ну что ж, хоть какое самоутверждение. Правда, по виду господ пилотов не скажешь, что они в курсе, что их сейчас будут чему-то учить.

— Вам, Лиза, наверное, не стоит здесь оставаться, — мягко говорит Азамат. — Это, знаете, напряженное дело...

Ну да, я понимаю, мужики хотят поиграться. Наверное, в наши эрпэгэшки они все-таки

не режутся, им в реале хватает.

— Хорошо, — отвечаю. — Пойду проведу пациента.

* * *

Пациент, конечно, уже очнулся, а Алтонгирел, конечно, меня не позвал. Сидят, разговаривают тихонечко, ячейка общества, блин.

— Как самочувствие? — спрашиваю деловито.

— Как будто живой, — вяло отвечает Эцаган.

Проверяю пульсометр, нормально, восемьдесят в минуту.

— И правда живой, — говорю. — Мутит?

— Нет, — мотает головой. Видимо, сотрясения нету.

— Ну давай, излагай ход боевых действий, — требую, выдвигая из-под стола стул. Вылупились на меня оба, как будто я о подробностях их личной жизни спросила. Придется объяснять, ох уж эти варвары. — Мне нужно знать, что именно произошло, чтобы выяснить, какие у тебя еще могут быть повреждения кроме тех, которые я нашла.

— Какая теперь разница, — вздыхает, — какие там еще повреждения...

В кои-то веки Алтонгирел принимает мою сторону. Строго выговаривает Эцагану помуданжски. Я почти ничего не разбираю, но это действует. Захватывающий рассказ о двух идиотах, перебивших пару десятков джингошей, выглядит достаточно убедительно. Ну а если он все-таки приврал, то я все равно никак не могу это проверить. Разве что Гонда допросить, но он заперт, а капитан занят.

— Учти, — говорю Эцагану угрожающе, — если ты от меня что-то скрыл, то можешь и не выздороветь.

Он улыбается, как приговоренный. Гос-споди, да когда ж до них дойдет?..

— Алтонгирел, следи, чтобы он лицо не трогал, — наставляю. — Если придется для этого руки привязать, то так и сделай, только не давай ему трогать лицо ни в коем случае, — грожу пальцем.

Оба серьезно кивают. Ладно, кажется, моя миссия здесь выполнена.

Из мемуаров Хотон-хон

Муданжские звездолеты оснащены многочисленными лапками не только для захвата чужих кораблей, хотя это тоже очень удобно: сгреб джингошскую черепаху под пузо и полетел дальше. Однако главная функция лапок — улавливать гравитацию далеких небесных тел. Муданжский корабль, плывущий в космосе, похож на паука, растопырившего ножки и ловящего малейшие колебания своей сети. Уловив притяжение звезды или близкой планеты, даже очень слабое, корабль усиливает его и подтягивается в ту сторону, из которой оно исходит, как на ниточке. Это позволяет муданжским кораблям практически мгновенно менять направление даже на большой скорости и исчезать из поля зрения противника в непредсказуемом направлении. При этом внутри самого корабля поддерживается постоянное комфортное гравитационное поле.

В остальном принципы перемещения муданжцев во Вселенной мало отличаются от земных. Как все мы выучили в детстве, ничто не может двигаться

быстрее, чем свет, поэтому, чтобы преодолевать гигантские пространства между галактиками в сроки, сопоставимые не только с продолжительностью человеческой жизни, но и с необходимостью регулярных поставок товаров, например, из Андромеды в Стену Слоуна, используются пространственно-временные туннели. Они могут быть естественного происхождения — если хорошо изучены и признаны стабильными; могут быть созданы человеком при помощи мощного луча света, которым можно свернуть пространство в воронку подобно тому, когда быстро мешаешь ложечкой в чае. Когда пролетаешь такой туннель, пространство вокруг тебя сжимается, а время и вовсе может пойти назад, так что окажешься в месте назначения за день до вылета.

Конечно, это бывает только в специальных возвращающих туннелях или в случае неполадок; закон Земного союза запрещает использование туннелей для путешествий во времени (кроме случаев дальних путешествий), так что обычно туннели настроены на протяженность в два-три дня, чтобы уж с гарантией не выскочить в минус. Если же дорога и правда дальняя и туннелей надо пройти несколько, то полет растягивается на пару недель, а то и месяцев.

Плюс к тому от туннеля до туннеля тоже надо долететь, а они густо наставлены только в самых населенных районах Вселенной. На окраинах иногда такая «пересадка» может занять по нескольку десятков лет, поэтому все корабли оборудованы собственным *полем времени*. Если полет предстоит в самом деле очень долгий, то внутреннее время корабля замедляют, чтобы на борту казалось, что прошла всего пара дней. Снаружи, конечно, проходит больше, но искусственные туннели способны распознавать корабли со включенным полем времени, и когда такой корабль заходит в туннель, его выбрасывает не только вперед в пространстве, но и назад во времени, так что и в самом деле получается, что прошло всего два-три дня. Естественные туннели обычно такого делать не могут, да и вообще они менее надежны, чем рукотворные, зато за пользование ими не надо платить.

Популярные планеты вроде Земли или Гарнета держат около себя по нескольку очень коротких искусственных туннелей специально для гостей издалека, которым надо нагнать время. За это, конечно, дерут дикие деньги, но все же сие лучше, чем внезапно выпасть из жизни на шестьдесят лет. Разработано специальное законодательство по поводу того, кому и при каких обстоятельствах позволено нарочно задерживаться в поле времени и таким образом переходить в будущее. Разработаны и методы расследования, кто остался в будущем и не прошел возвращающий туннель нарочно, а кто по рассеянности или внешним обстоятельствам.

* * *

Магеллановы облака практически не населены, хотя и располагаются очень близко к Млечному Пути. Увы, для жизни людей оказались пригодны только спиральные галактики, а Магеллановы облака больше похожи на дрожжевое тесто, чем на классический волчок. Так что, там только несколько зеленых планет-производителей с устойчивой атмосферой, но

малой гравитацией, что позволяет растительности достигать гигантских размеров. Насколько я помню, там даже скот не разводят, только кабачки всякие.

Поэтому сквозь них проходит несколько магистральных пространственно-временных туннелей от края до края, чтобы не задерживаться в мертвой зоне. Проблема в том, что туннели эти вовсе не свободны от всякого мусора, который, собственно, и делает эту галактику облаком. Зато в туннеле гораздо труднее уворачиваться, потому что летишь не сам, а на поводку у гигантского водоворота. Центральный туннель, правда, по возможности очищен от всякого хлама, не знаю уж как, но мы-то летим по одному из боковых.

Так вот, это-то и удивительно. Заглядываю в иллюминатор в полной уверенности, что сейчас увижу Сфинктер — то есть вход в туннель, — а оказывается, мы уже внутри! И не трясет ни фи́га, и не швыряет. Ну ладно, допустим, это мне капитан обещал. Но чтобы я захода в туннель не заметила? У меня же всегда уши закладывает от этого, и мутит, и все на свете. Н-да, руки у нашего капитана и правда золотые, хоть и покореженные. Надеюсь, пилоты не упускают возможности у него поучиться, потому что есть чему!

* * *

Сижу у себя в каюте, вяжу, пялюсь в иллюминатор. И так уже часа четыре. Скучно, сил нет. И как люди жили без компьютера... Попросить, что ли, у капитана муданжские легенды полистать под видом того, что картинки посмотреть хочу. Если, конечно, там есть картинки. В любом случае капитан сейчас занят. За иллюминатором бесконечные, свитые в канат звезды летят на бешеной скорости, уже от них муторно. Кажется, я начинаю понимать, зачем закрывать иллюминатор фотографиями. А ну-ка, где тут слайд-шоу? Хоть посмотрю на этот их Муданг.

Ничего себе такой Муданг, хоть название и ужасное. Ландшафт в основном — горы и степи, но и лес попадает. Снимки все зимние, растительность не рассмотришь. Домов тоже почти не попало в кадр, так, один-два. Они сложной формы, закругленные такие, гладенькие. Не деревянные, а какие — понять не могу. Пара этажей, коническая крыша. Скоты бродят, вроде козы, но видно плохо, не поручусь. Пастораль, короче. Скучно.

Поскольку вязание голову не занимает, переключаюсь на бессмысленное, но мозгоемкое занятие: Эцагановой швейной машинкой, которую он у меня так и не отобрал, выстрачиваю на более-менее однотонной полоске ткани какие-то узорчики. Разноцветными нитками. Белые зигзаги, красные петельки, черные косички какие-то. Стадию окончательного охренения можно считать достигнутой.

К счастью, тут приходит Тирбиш звать меня к обеду. Интересно, он всех зовет или только меня как привилегированную? Иначе почему не объявлять по громкой связи?..

На обед нечто унылое. Вроде как жареное мясо, только оно почти сырое, а где не сырое, там не жуется. Скотина, из которой его вырезали, при жизни, видимо, возила воду в горы и померла от перенапряжения. Я честно притворяюсь, что пытаюсь это разжевать, потому что не хочу обижать Тирбиша: остальные-то едят и нахваливают, очевидно, так и должно быть. К сырятине даже не притрагиваюсь, там может водиться целый справочник по паразитологии.

Жду, когда Тирбиш уйдет или займется чем-нибудь, чтобы я могла потихоньку выкинуть несъеденное, но он увлечен разговором с двумя мужиками по обе стороны от меня. Алтонгирела за столом нет. Интересно, кормят ли Гонда. Мало ли какие у Азамата методы

наказания. Кстати, надо будет Эцагану питательной смеси проколоть, если есть, а то он и так тощенький.

Народ уже начинает понемногу разбредаться, когда входит Азамат. Это что, мы вышли из туннеля? И я опять ни сном ни духом? Ни черта себе!

Капитан выглядит уставшим, и, наверное, не только выглядит. Тяжело опускается за стол, прислоняется спиной к стене, принимается вяло жевать. Бедняга, тут и со свежими-то силами не откусишь.

Когда весь народ между мной и капитаном расползается, я придвигаюсь поближе.

— Здорово ты сквозь туннель прошел, — говорю с искренним восхищением. — Я даже не заметила, когда входили, когда выходили. До сих пор ни разу еще так гладко не летала.

Улыбается слегка. Видимо, слишком устал, чтобы спорить. Голову рукой подпер. Цвет лица какой-то нехороший.

— Может, тебе пойти отдохнуть? — говорю участливо.

— Боюсь, засну. Ночью-то из-за всей этой передраги с Эцаганом не пришлось. А сейчас если лягу, то встану уже завтра утром, — хмыкает.

— Ну и поспи, — говорю. — У тебя что, срочные дела какие-то?

— Да нет, но что ж я, в три часа дня спать лягу? Да и не засну все равно.

— Только что обещал отрубиться немедленно, — хихикаю. — Пойди хоть полежи, глаза вон закрываются!

— А вам компьютер не нужен? — спрашивает внезапно. Решил тему перевести, что ли?

— Ну я, конечно, с радостью им воспользуюсь, но не в ущерб твоему отдыху.

Смотрит на меня сонно, потом встает.

— Ладно, — говорит, — пойдете.

Недоеденный обед он так и оставляет на столе, и я следую его примеру, пока никто не видит.

[Купить полную версию книги](#)